

K/1x

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 49

II — 1958

LE MESSAGE

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная Коллегия:

Франция: Прот. Василий Зеньковский, Ж. А. Ельчанинов, И. В. Морозов, Н. А. Струве. Америка: Прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская.

№ 49

СОДЕРЖАНИЕ

II - 1958

Стр.

1. От Редакции 1
2. Из слова на Преображение св. Ефрема Сирина 1
3. Православная Церковь в Корею — Ричард Пат 3
4. Небо на земле (Продолжение) — о. Сергей Булгаков ... 13
5. В неделю Всех Святых — свящ. Георгий Сериков 24
6. Борис и Глеб — Ю. Иваск 27
7. Образы Греции. Люди. Девочка с душистой травкой — Л. Зандер 33
8. Сколько церквей в Советской России? (По поводу статьи Н. Струве) — А. Борман 40
9. Ответ А. Борману — Н. Струве 41

БИБЛИОГРАФИЯ

10. Проф. Архим. Киприан — Православное Пастырское Служение — прот. В. Зеньковский 42
11. J. Glazik, M.S.C. — Die Russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen — Н. Струве ... 43
12. Скиф в Европе — В. З. 44
13. Наши издания — Л. Зандер 44

ХРОНИКА

14. Съезд лицейстов 45
15. Впечатления о съезде Р.С.Х.Д. 46
16. Отъезд А. С. Четвериковой в Америку 47
17. Фонд помощи Угандской Церкви 48

Подписная плата на год: 750 фр. С целью поддержки: 1500 фр. Во Франции подписную плату просим вносить на почтовый счет РСХД: С.С.Р. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15.

4 N°s par an. Abonnement annuel: 750 fr. Prix du N°: 175 fr. Adresse de la rédaction: Mr. Jean Morosov. «Le Messenger». 91, rue Olivier de Serres. Paris 15. France.

ОТ РЕДАКЦИИ

Будет время, не только свободная Россия, но и весь мир удивится, когда узнает, какое богатство культуры накопила русская эмиграция. Это богатство, еще столь мало известное самим русским, запечатлено в книгах. Но следует сказать, что русский читатель мало способствует развитию книгопечатания в эмиграции. Недавно закрылось Издательство Возрождение, специализировавшееся в издании эмигрантской художественной литературы... Закрылось и Чеховское Издательство в Америке, после четырех лет активной деятельности... Русские книги расходятся в малом количестве и очень медленным темпом. По некоторым данным, в 1930 годах, русская книга в среднем расходилась в лучшем случае в 200 экземплярах в год! В этом виноваты все русские люди: у слишком многих книги и, в частности, русские книги не входят в месячный бюджет наравне или, хотя бы, наряду с кинематографом, театром или пластинками. Каждый старается получить книгу «на прокат» от знакомых... Некоторые жалуются на дороговизну русских эмигрантских изданий. Но этот упрек не всегда справедлив: книги Чеховского Издательства стоят не много дороже билета в кинематограф, а более объемистые книги ИМКА-Пресс редко превышают цену хорошего билета в театр или в оперу...

Издание книг — одна из существенных задач русской эмиграции. Когда Россия будет снова свободна, именно книги, а не что иное, будут вкладом русской эмиграции в сокровищницу русской культуры.

Если каждый русский человек будет покупать хотя бы по одной русской книге в месяц, то деятельность эмигрантских издательств будет обеспечена!

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ*)

I.

... Возвел их на гору, чтоб показать им славу Божества, и дать им знать, что Он — Искупитель Израиля, как объявил через Пророков, и чтоб не соблазнились о Нем, видя вольное Его страдание, какое имел Он претерпеть за нас по человечеству. Ибо знали Его как человека, и не разумели, что Он Бог. Знали Его как сына

*) Из слова Св. Ефрема Сирина († 379).

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4006699 клх

Мариина, как человека, жившего с ними в мире. И на горе дал им разуметь, что Он — Сын Божий и Бог. Видели, что Он вкушал и пил, утомлялся и отдыхал, дремал и засыпал, приходил в страх и проливал пот; все же это приличествовало не божественному естеству Его, а только человечеству. И потому возводит их на гору, чтобы Отец провозгласил Его Сыном, и показал им, что действительно Он — Сын Божий и Бог.

Возвел их на гору, и показал им царство Свое прежде Своих страданий, силу Свою прежде смерти Своей, и славу Свою прежде поругания Своего, и честь Свою прежде бесчестия Своего, чтоб, когда будет взят и распят Иудеями, знали они, что распят не по немощи, но по благоизволению Своему добровольно во спасение миру.

Возвел их на гору, и показал им славу Божества Своего прежде воскресения, чтобы, когда восстанет из мертвых в сей славе Божественного естества Своего, узнали они, что не за труд Свой приял Он славу сию, как нуждавшийся в славе, но что прежде веков принадлежала Ему слава со Отцем и у Отца, как сказал Он, исходя на вольное страдание: **Отче, прославь Меня славою, которую я имел у Тебя, прежде бытия мира** (Ио. 17, 5).

... И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие (Мат. 17, 3). Беседа их с Ним была следующая: свидетельствовали Ему благодарение, что пришествием Его исполнились слова их и всех Пророков. Воздавали Ему поклонение за спасение, какое соделал миру, то есть, человеческому роду, и за то, что исполнил самым делом тайну, которую описывали они.

И взирали друг на друга, Пророки на Апостолов, Апостолы на Пророков. Увидели там друг друга началовожди завета ветхого началовождей завета нового. Святой Моисей увидел освященного Симона. Домоприставник Отца увидел приставника Сына: один рассек море, чтобы народ прошел среди волн; другой поставлял сень, чтобы создать Церковь. Девственник ветхого завета увидел девственника завета нового, Илия — Иоанна, восшедший на колесницу огненную — припадшего к персям Пламени. Так гора стала образом Церкви, и Иисус соединил на ней два завета, какие приняла Церковь, и дал нам разуметь, что Он сам Податель обоих заветов; один принял тайны Его, а другой явил славу дел Его.

...Когда ученики дивились, вот услышан из облака глас от Отца, говорящий: **Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте** (Мф. 17, 5). После гласа от Отца, Моисей возвратился в место свое, и Илия возвратился в область свою, и Апостолы пали лицом на землю: и Иисус стал один, потому что на Нем одном исполнился оный глас... Отец учил их, что

домостроительство Моисеево исполнено, и должны слушать они Сына; потому что Моисей, как раб, говорил, что было повелено, и проповедывал, что было ему сказано. Также говорили и Пророки, пока не пришел Примиритель (Быт. 49, 10), то есть, Иисус, Который есть Сын, а не домочадец, Господь, а не раб, Властитель, а не подвластный, Законодатель, а не подчиненный закону. По Божескому естеству **Сей есть Сын Мой возлюбленный**. Что было еще не ясно для Апостолов, то Отец открыл им на горе. Суший провозвещает Сущего, Отец объявляет Сына.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В КОРЕЕ *)

Из всех современных православных миссий самой удачной оказалась миссия дальневосточная.

Многочисленные туристы, посещающие Японию, хорошо знакомы с огромным «Николай-до» — православным собором в Токио, но сравнительно немногие знают о том, что японские православные церкви встречаются по всей территории островной японской империи. Еще менее известен факт существования православной церкви в Корее, и даже те, кто об этом случайно знает, связывают эту церковь с русской японской миссией.

Корея между двух огней

В очень значительной степени представление, сложившееся о Корее в мире, обусловлено японской пропагандой 1910-1945 гг., когда Корея была как бы «экспонатом» Японской империи. Но и в церковном и в историческом отношении смешивать Корею с Японией нельзя. Правда в течение истории многое их связывало, но Корея всегда чувствовала себя скорее частью огромного Азиатского материка, чем Японской провинцией.

Глубокое влияние на ее историю оказало и ее географическое положение: политически и культурно она являлась как бы мостом между Монголией и Тихим океаном, территория ее подвергалась нашествиям и разделам.

Ее первоначальная религия и искусство обладают собственными тончайшими оттенками, а впоследствии был момент, когда православная церковь могла бы сделаться господствующим христианским исповеданием в стране.

*) Автор статьи — англиканский священник, в свою бытность в Европе, состоял активным членом Англо-православного Содружества Св. Албания и Св. Сергия. В подлиннике статья эта была напечатана в летнем выпуске за 1957 г. журнала **Sobornost** (series 3: № 21).

В 16-м веке Корея, отразив наконец, и с большим трудом, целый ряд японских нашествий, положила начало своей политике «государства-отшельника». Она жила обособленно, поддерживая только самые поверхностные сношения со своими ближайшими соседями. В 19-м веке Англия и Америка проникли в Китай, но двери Кореи были плотно заперты до 80-х годов прошлого века. Она все время находилась в вассальном положении в отношении Китая, но коммерчески она не была ему интересна и мало кому разрешалось ее посещать.

С 1872 года Япония опять устремила свои взоры на Корею и делала попытки заменить китайское влияние своим собственным. В то же время Россия, граничившая с Кореей на севере, заинтересовалась незамерзающим портом Вонзан на восточном побережье Кореи. Одновременно уже воздвигались Россией укрепления вокруг Порт-Артура в Манджурском заливе Желтого моря. Для обеих стран — России и Японии — Корея была стратегически и экономически необходима. Поэтому при первой возможности в Сеуле открылись русское и японское дипломатическое представительство. Тогда как Россия создавала базу для своего торгового и дипломатического влияния, Япония поставила себе целью всеми способами оторвать Корею от Китая.

Последовал целый ряд более или менее кровавых инцидентов, которые однако не дали никаких результатов, и битва за Корею приняла форму дворцовых заговоров, имевших целью вырвать власть из рук ее слабохарактерного монарха.

Пока все это происходило в области политики, американские протестантские миссионеры начали свою работу в Корее и сразу достигли значительного успеха. Но при этом не надо забывать, что первоначально христианство проникло в Корею через католических миссионеров около ста лет тому назад и дало большое число христианских мучеников.

Англиканская Миссия возникла в 1890 г., в то время, когда впервые французские католические священники решились выходить на улицы Сеула не переодетыми. Первый англиканский епископ миссии Чарльз Джон Корф в то время еще далеко не был уверен, что преследования христиан ушли в прошлое.

Возможно, что только огромное политическое могущество Америки и Европы помешало возникнуть гонениям, так как в 1893 г. произошло восстание против христиан в южной части страны, организованное сектой Тонгхак. Слово «Тонгхак» значит «Восточное учение», в противоположность «Западному учению», означавшему католицизм.

Римское христианство сначала преследовалось просто пото-

му, что оно было иностранным. Но когда иностранцам разрешили поселиться в Сеуле и в других городах, члены секты Тонгхак возмутились и восстали.

Король по привычке обратился за помощью в Пекин, забыв о подписанном 10 лет назад договоре, по которому Китай и Япония согласились не держать своих войск на территории Кореи. По зову короля, китайцы пришли и подавили восстание. Этим немедленно воспользовались японцы и послали свои войска, якобы «защищать корейцев». К августу 1895 г. Япония окончательно изгнала всех китайцев из Кореи и, казалось, завоевала Корею, особенно, когда королева Мин, непримиримый враг Японии, была убита октябрьской ночью у себя во дворце. Слабый и колеблющийся король остался пленником в руках японцев. Япония торжествовала.

Но вот 11 февраля 1896 г. король, естественно ненавидевший и боявшийся японцев, бежал из своего дворца в переодетом виде и скрылся в русском посольстве. В течение последующего месяца или двух он отменил все законы, навязанные ему японцами, и объявил Корею независимой империей. Он отпраздновал свою коронацию на территории русского консульства и провозгласил новое наименование своей империи «Тае Хан», а свою династию назвал «Квангму» — «прославленный воин». Он приказал реставрировать и укрепить меньший дворец, который соединил проходами с американским и британским посольствами. Когда работы были закончены, он переселился в этот дворец и жил там, хотя и в безопасности, но все же в большом страхе перед японцами. В течение последующих семи лет русское влияние в Корее преобладало, и именно в этот период возникла православная миссия. Казалось, что Корее ничто не мешает оставаться в сфере русского влияния, но некоторые более проникательные наблюдатели понимали, что Япония не считает себя побежденной и что рано или поздно столкновение с Россией произойдет. Правда, Россия могла победить, на что многие англичане надеялись.

Возникновение православной миссии

В то время русская православная миссия уже укоренилась в Японии, в Токио. Собор «Николай-до» был построен в 1885 г., но Корейская миссия пришла другим путем. В 1862 г. епископ Иннокентий Вениаминов, епархия которого включала Камчатку, Курильские и Алеутские острова, перенес свою кафедру, находившуюся в Якутске, южнее, в Благовещенск, на границу Манчжурии. На территории его епархии жило много корейцев, искавших пропитания и наживы в богатых Манчжурских равнинах по рекам

Амуру и Сунгаре. На рубеже 19 и 20 веков около 8 или 10 тысяч этих корейцев приняли крещение (официальные данные несколько расходятся в отношении числа). После окончания Китайско-Японской войны многие из корейских выходцев потянулись к себе на родину и Св. Синод организовал Корейскую Миссию для окормления их. Выдающийся бывший преподаватель семинарии, обращенный из Унии, архимандрит Амвросий Гудко, в сопровождении диакона и чтеца, были назначены в миссию в 1898 году, но им не удалось приступить к работе.

В 1900 году прибыл архимандрит Хрисанф Щетковский и начал систематически совершать литургию в одной из комнат русского консульства в Чонг Донге. Чонг Донг, — «Долина Добродетели», — это часть города, названная так в честь могилы второй королевы династии Иу. В конце прошлого века это было сравнительно слабо населенное место, находящееся между Большими Западными Воротами и главной дорогой, идущей от Летнего Дворца (где была убита королева Мин) к Большим Южным Воротам, самым главным воротам города. Все иностранные дипломатические миссии, кроме германской, были расположены в этом районе. На углу, ближайшем к Южным Воротам, стоял заново отделанный дворец «Добродетельного Многолетия», где жил король. Рядом с ним находилась ограда английской миссии со своей маленькой церковью в корейском стиле и небольшим госпиталем Св. Петра, в котором работали сестры монастыря Уокинг. По соседству было консульство Ее Британского Величества. К западу, позади дворца и консульства, находилось американское посольство. К югу от него была расположена американская Методистская Миссия с процветающей школой Раежае, одним из недавно окончивших учеников которой был молодой Ии Сунгман, еще не переделавший в то время своего имени на западный манер в Сингман Ри (Syngman Rhee). Дорога здесь вела прямо к Западным Воротам между прекрасным домом французского посольства и холмом, покрытым лесом, на вершине которого сквозь деревья виден был дом с колоннами, принадлежавший русскому консульству. Все здания, нами описанные, были окружены большими садами с прекрасными деревьями.

Архимандриту Хрисанфу был отведен угол русского участка, прилегавший к Западным Воротам подле вершины холма. (Это возвышенная часть Сеула. У корейцев страсть менять контуры поверхности, и современный ряд холмов уже сделан заново).

Он построил свою маленькую кирпичную церковь на вершине, возвышающейся над Посольской улицей и посвятил ее Святителю Николаю. Освящена она была 17 апреля 1903 г. Так она и

стоит по сей день, русский памятник царского времени. Главные ее иконы, это Тихвинская икона Божией Матери, икона Николая Чудотворца и большой образ преп. Серафима Саровского. Пение в храме чисто русское с оперным оттенком, который корейцы очень любят. Лики на иконах в иконостасе принадлежат по стилю к 19-му веку и отличаются русско-французской приглаженностью письма, а темная резьба иконостаса напоминает о прошлой пышности.

Миссионерский дом был также построен по соседству — гораздо более обширный, чем церковь, с глубокими террасами на обоих этажах — характерной особенностью всех иностранных посольств той эпохи в Корее. На террасах стояли пальмы в горшках, все было устроено с целью произвести впечатление величия. Была открыта школа для мальчиков и девочек. (Методисты уже пробили брешь в деле женского образования в Корее). В городе жило некоторое количество русских и кое-кто из корейцев был уже на пути к обращению в православие. Готовилась к печати книга первоначальных наставлений в вере, и в окрестностях Мунсана, города в 25 милях к северу от Сеула, были корейские катехизаторы. (Мунсан был разрушен во время войны 1950-53 г., в нем не осталось ни одного здания).

От русско-японской войны до революции

Все шло хорошо до того момента, когда разразилась катастрофа. Без объявления войны японцы напали и потопили три русских корабля в гавани Инчоп (в то время он был известен под именем Чемульпо, название, принадлежащее всему району гавани). Они принудили Корейского императора подписать договор, предоставляющий японским войскам свободный проход через страну. Война была короткая — немного более года — и на Корейской территории не было ни одной битвы. Но она уничтожила все планы России в Корее, и русская крепость Порт-Артур была потеряна.

Захваченные врасплох, как и остальные русские, о. Хрисанф, услышав о нападении на гавань Инчоп, покинул страну. Но он успел до этого подружиться с членами англиканской миссии. Англиканский епископ Корфф написал в своем миссионерском журнале по поводу рукоположения Джорджа Брайдль в англиканской церкви в сентябре 1900 г., что русский архимандрит присутствовал при этом и «выказал свою братскую любовь к нам тем, что присоединился к моему духовенству при возложении рук на посвящаемого — знак (как я решил ему об этом сказать в притворе) грядущего еще более тесного единения». Теперь о. Хрисанф

просил, чтобы англикане в свою очередь оказали ему братскую любовь. Он оставил экземпляр своего корейского катехизиса в англиканской миссии и о. Вильфред Герней с помощью «добротного плотника по имени Николай» посещал и поучал 20 или 30 семейств в Сеуле и Мунсане. Николай был единственным крещеным христианином из корейцев. Отец Герней не совершал никаких таинств.

После войны о. Хрисанф не вернулся. Его место занял архимандрит Павел Ивановский. В течение всего его пребывания в Корее, которое продолжалось до момента назначения его викарным епископом Никольска в Уссурийском крае, к северу от Владивостока в 1912 г., число православных быстро возросло до 300 человек и было построено пять церквей вне пределов миссии. Все пять находились вокруг столицы в направлении к Мунсану в расстоянии не более 30 миль от Сеула. Число христиан в каждом из этих мест колебалось между 50 и 100 человеками. К сожалению все эти церкви исчезли в двадцатых годах.

Архимандрит Павел имел при себе русского диакона. Первого корейца, которого он представил к рукоположению, звали Канг Джон. Это был молодой человек 34 лет. Архиепископ Сергей Токийский рукоположил его в сан диакона в 1911 г. и в сан иерея в 1912 г. Несколько лет спустя о. Канг Джон устранился от исполнения своих обязанностей. Умер он в Харбине в 1939 году.

Начало перевода богослужебных книг на корейский язык было положено Архимандритом Павлом, который продолжал этим заниматься и после того, как стал епископом. Большинство книг было напечатано, когда он уже покинул Корею. Язык перевода несколько отличается от языка, принятого в других корейских миссиях.

Англиканская миссия приняла терминологию, основанную на римско-католической практике, употреблявшуюся в то время в епархии Северного Китая. Ее удобство заключалось в том, чтобы по крайней мере внешне не обнаруживать разрозненности христианского мира. Протестантские миссионеры, наоборот, хотели подчеркнуть свою обособленность от Рима и придумали новую терминологию, пользуясь разговорным корейским языком в противовес величественному и традиционному литературному языку англиканской литургии.

Православные книги по языку стоят отдельно: их церковная терминология большей частью совпадает с англиканской, кроме одного слова — «священник», который в католическом и англиканском переводе значит «предстоящий в жертвоприношении», в православном же переводе значит «духовный отец». Также и со словом «дьякон», — которое при сходстве смысла иначе звучит

и имеет в письме другой знак. Для таинства Евхаристии англикане употребляют слово «Misa», а православные и по-корейски говорят «литургия», хотя в последнее время вошло в употребление и у православных слово «Misa». «Таинство» православные перевели, как «omuo», «тайна», в противоположность католическому и англиканскому «songsa», «святое действие», хотя последнее слово стоит в заглавии Корейского православного молитвенника.

Но лингвистические особенности, которые поражают в православной литургии, это, во-первых, употребление чисто-корейского слова «Humanim», «Небесный Дух» для Бога, вместо производного от китайского языка «Ch'onju», «Господь Неба», употребляемого католиками и англиканами, и затем транслитерации с русского всех собственных имен, как «Jisus Hristos», вместо обычного «Jesu Kristo».

Когда в 1912 г. архимандрит Павел принял епископский сан, на его место в Корею был назначен архимандрит Иринарх Шемановский. В это время Корея была официально аннексирована Японией. В 1914 г. о. Иринарх уступил место игумену Владимиру Скрижалину. В 1917 г. в течение трех с половиной месяцев миссия была на попечении иеромонаха Палладия Селецкого, но в этом же 1917 г. прибыл архимандрит Феодосий Перевалов. Число обращенных в христианство непрерывно увеличивалось и дошло до 500 человек. В 1913 г. Ким Люк, второй кореец, был рукоположен в дьяконы. Он был русский подданный из Сибири и был воспитан в православной вере. Скончался он в 1930 году.

Первая мировая война не нарушила жизни православных корейцев, но революция причинила много бед. Англиканский епископ в Корее Марк Троллоп принимал большое участие в их положении. В 1918 г. в праздник Воздвижения он написал епископу Монгомери (члену Общества Распространения Евангелия), что ввиду уменьшения числа его собственного духовенства на 7 человек (служивших в то время в Европе), он употребил излишек оставшихся у него сумм Общества на жалованье русскому священнику о. Феодосию, платя ему по 250 иен в месяц (около 30 фунтов) и этим давая возможность продолжать миссионерскую работу.

Письмо это вызвало типичную реакцию у Архиепископа Кентерберийского Рандель Девисона, сказавшего, что «вопрос о Троллопе и о русской церкви ставит ряд важных проблем». «Но», закончил он, «вероятно мы поступим правильно, если разрешим и впредь давать деньги с условием смотреть на это, как на временную помощь в тяжелую минуту для поддержки братьев христиан». Видимо он опасался того, что Троллоп не взялся субсидировать православную миссию навсегда! Контраст между уважением епи-

скопа Троллопа к православной церкви и политической осторожностью Архиепископа чрезвычайно ярок. Помощь продолжалась до конца 1919 г. К этому времени русская миссия снова могла существовать самостоятельно.

Православная Миссия за последние сорок лет

В настоящее время корейцы упорно отрицают тот факт, что они когда-либо формально подчинялись Японской епархии, но все документы свидетельствуют, что таково было распоряжение Патриарха Тихона в 1923 году. Повидимому Архиепископ Сергей Токийский совершал все рукоположения с 1911 года и он в действительности был частым гостем в доме англиканского епископа Троллопа. Епископ Ивановский скончался в 1920 г. в Японии. Отец Феодосий уехал перед смертью туда же и оттуда прибывали все последующие священники. Поскольку политически Корея сделалась с 1910 г. японской провинцией, было бы совершенно естественно, если бы епископ Токио управлял православными в Корее, но все мои расспросы летом 1956 г. в Николай-до в Токио не дали вообще никаких сведений о Корейской миссии.

Отец Феодосий оставался со своей паствой до начала тридцатых годов. Деятельность миссии приостановилась. Это был период, когда рост других церквей также задержался. Все увеличивающееся политическое напряжение было благоприятно обращению в христианство в некоторых областях Кореи, но православная церковь потеряла все приписанные к миссии церкви и состав ее духовенства переменился. Kim Алексей был рукоположен в диаконы. Из Японии приехал года на два русский священник о. Александр. Его сменил о. Поликарп, пробывший в Корее в течение всей второй мировой войны.

Японцы проводили антикорейскую и антихристианскую политику, но в своей декорейзации они никогда не вмешивались в вопросы языка христианских церквей, и само преследование христиан в Корее не было так сильно, как в Японии.

Несмотря на то, что церкви перенесли много трудностей в течение войны, по существу они остались невредимыми.

К сожалению этого нельзя сказать о самом государстве. Советы оккупировали северные провинции и очень быстро превратили их в коммунистическое государство.

Американцам достался юг, но они сделали там очень мало. В 1947 г. в Сеуле, во дворце «Добротельного Многолетия» собралась конференция для обсуждения вопроса об объединении Кореи. Советская делегация, естественно, остановилась в старом русском императорском консульстве и превратила весь этот угол Чонг-

Донга в центр коммунистической пропаганды в Сеуле. Дом о. Поликарпа находился по соседству. Советские делегаты посетили его. Произошел публичный скандал в церкви. Тогда о. Поликарп покинул Корею и, говорят, направился в Харбин *).

По своему юрисдикционному положению о. Поликарп был «persona non grata» в глазах нового Архиепископа Вениамина, подчиненного американской митрополии. Последний вызвал корейского дьякона Kim Алексея в Токио, рукоположил его во иереи и отправил назад в Сеул. Говорят, что когда новый священник появился в храме, произошли беспорядки. Вызвали полицию. Вообще это были смутные дни в Корее. Но произошла ли борьба действительно на юрисдикционной почве или нет, церковь в Сеуле попала в руки коммунистов. Отец Поликарп исчез, и приходится только удивляться, как удалось о. Kim Алексею сохранить приход до 1950 года.

В руки коммунистов попал и другой православный корейский храм, вскоре уничтоженный.

В 1929 г. некий Павел Афанасьев, мирянин, окончивший Владивостокский университет, по слухам, обратил в христианство 120 человек в P'yongyang (по-японски Heijō). В 1932 г. Митрополит Мелетий Заборовский, глава Дальневосточной церкви, убедил его сделаться иеромонахом. У него была домашняя церковь, но паства была немногочисленна. Никто из православных жителей Сеула никогда ничего о нем не слышал (или по крайней мере, так утверждают). Но англиканскому настоятелю отцу (теперь епископу) Чадвель, он был известен и даже пользовался не раз его денежной поддержкой. Я не мог собрать о нем никаких сведений после 1939 года. Вероятно Афанасьев и его дело не пережили коммунизма и корейской войны.

В июне 1950 г., когда коммунисты вторглись в Корею, они отправили о. Kim Алексея на север, во всяком случае, он исчез. Во время битвы за Сеул русское консульство погибло. Здания миссии, давно не отремонтированные, сильно пострадали, но церковь была спасена, большинство икон находится в полном порядке. Сеул долго оставался необитаемым, но с 1953 г. люди понемногу начали возвращаться. Во всей стране ощущался сильный религиозный подъем, одним из проявлений которого было восстановление церквей. Православные собрались вместе.

В январе 1954 г. они отправили Мин Борис'а в Токио, где он

*) Глава русской (подсоветской) миссии в Палестине с 1948 г., архим. Поликарп, духовник женского монастыря в Мукачево с 1952 г., был в 1957 г. возведен в сан епископа с назначением на Вятскую кафедру.

Прим. Редакции.

был сначала рукоположен в дьяконы, а на следующий день во иереи. Богослужения стали совершаться регулярно. Велико было изумление тех американских солдат, которые принадлежали к православно́й церкви, когда они нашли свою собственную церковь в Корее. Греческая бригада была в особенном восторге и щедро жертвовала доллары на ремонт церкви и на устройство школы в большом старом миссионерском доме (священник до сих пор живет в маленькой пристройке). Эфиопские войска отнеслись к православному по-братски и их полковой священник Авва Арайя Селассиэ держал себя с о. Мин и англиканским духовенством, как с равными. Появилось даже несколько белых русских, вроде пожилого, обросшего седой бородой господина Ширинова, старожилы Сеула, не знающего ни одного языка, кроме русского. Трогательно было присутствовать на литургии весной 1954 г., которая служилась и пелась на корейском языке, но по русским напевам, с несколькими ектениями по-славянски и по-гречески, причем солдаты отвечали хором на свой распев. Было еще любопытнее принимать участие в приходском пикнике с корейцами, греками и эфиопами. Каждая группа со своей национальной пищей и я — один неправославный среди всех.

Я долго буду хранить теплую память об «агапе», последовавшей за освящением новой школы при церкви. Еще в прошлом году греки, славяне и корейцы христосовались между собой на разных языках и обменивались пасхальными яйцами.

Но это период церковной жизни уже окончен. Греки покинули Корею, взяв с собой двух корейских студентов, которые теперь учатся в семинарии в Коринфе, Ким Костас и Чанг Александр.

На память о себе греки оставили в Корее прекрасную церковь и целый ряд греческих имен, заменивших собой русские имена, бывшие раньше в большом употреблении.

Число православных в настоящее время около 400 чел. и непрерывно происходит крещение взрослых корейцев. Юрисдикционно вопрос урегулирован признанием власти архиепископа Михаила, греческого экзарха Патриарха Константинопольского в Америке. Таким образом церковь носит название вполне приличное, но довольно неуклюжее: «Корейская православная церковь, отделение греческой северо-американской православной церкви». Это означает, что церковь в Сеуле входит в юрисдикцию Вселенского патриарха. В недалеком будущем предполагается послать еще двух студентов в Америку и, возможно, получить оттуда священника-миссионера.

Вероятно дух старой России понемногу исчезнет из малень-

кой церкви в углу у Западных Ворот, но и вообще Корейская история меняет свое направление. Для Новой Кореи было бы важно воспринять долю мудрости древней греческой церкви через свое православное население — а вместе с тем и частицу энергии, излучаемой Америкой.

Из восьми английских миссионеров, работающих сейчас в Корейской англиканской миссии — четверо состоят членами Англо-русского православного Содружества (Fellowship). Опираясь на опыт многолетней дружбы между православной и англиканской миссиями в Сеуле, мы стремимся к тому, чтобы у нас открылось отделение Содружества в Корее. К сожалению этого нельзя осуществить, пока у нас не будет английского священника, хорошо знающего корейский язык и живущего в самом Сеуле или поблизости от него.

В Корее православная церковь называется Chonggyohoe — «Общество правильной доктрины» *). Помогите ей своими молитвами!

Ричард Рат (Rutt)

НЕБО НА ЗЕМЛЕ

(Продолжение)

10.

«Слово плоть бысть и вселися в ны» (Ио. 1, 4) — вот основной и пребывающий факт, вот жизнь в церкви. Насколько человеческая немощь способна отдаваться жизни в Церкви, она есть духовное ведение боговоплощения, пребывание со Христом, постоянно возобновляющееся касание этого великого и страшного таинства. **Церковь есть Тело Христово**, это не только догматическая мысль, но опытная реальность, ибо верующие, поскольку веруют, живут со Христом и во Христе. И поэтому естественно и само собою понятно, что божественная Евхаристия, таинство всегда возобновляемого боговоплощения и божественной жертвы, составляет средоточие всей жизни церковной. К ней все тянется, ею связывается и наполняется. Божественная Евхаристия не есть только воспоминание, хотя она есть и воспоминание, не есть только причащение, хотя она есть и причащение, — она есть само совершающееся боговоплощение. Православие не знает «адорации» св.

*) Англиканская церковь — это Songgonghoe «Святое Общество для всех».

даров, введенной католичеством; этому противится строгое и трезвенное чувство, не позволяющее превращать Тела и Крови Христовой в реликвии для поклонения и тем самым, забывая о Вознесении, удерживать Господа, но вся литургия, начиная от проскомидии, есть поклонение воплощаемуся и пребывающему среди нас Христу. Св. Дары после пресуществления на престоле зримы только литургисающему священнику, который со страхом и трепетом взирает на самого Господа Славы, снова уничижающегося и дающего Себя в руки человеческие. Но этой святине вместе со священником молится и преклоняется вся церковь. **Присутствие** Христа в Божественной евхаристии есть чудесное событие, ежедневно переживаемое в православной литургии. Если в протестанстве причащение стало некоторым спекулятивным фактом, — воспоминанием и благоговейным обрядом, в котором **условно** содержится — или же и не содержится — вкушение Тела и Крови Христовых, если в католичестве месса, хотя необходимо включает и пресуществление св. Даров, религиозно-практически сосредоточивается **преимущественно** на причащении (почему и оказывается возможным, сверх литургийного поклонения, еще особая адорация св. Даров), то в Православии божественная литургия есть таинство боговоплощения, от Рождества Христова (которому соответствует проскомидия) до Вознесения Христова (которому соответствует отнесение св. Даров на жертвенник в конце литургии).

11.

Известно, что символика Божественной литургии в Православии содержит в себе гораздо больше нежели только совершение таинства Тела и Крови Христовых. Это есть как бы новое, вновь повторяющееся пришествие Христа на землю, встреча со Христом, Его присутствие среди нас на земле, пребывающее таинство боговоплощения. Поэтому Божественная Евхаристия есть сила Церкви, ее дыхание, ее жизнь, таинство таинств. И без всяких ненужных слов и рассуждений она ставит совершителей своих — священство — в особое исключительное положение — **служителей таинств**. Божественная Евхаристия есть такое страшное и великое таинство, что нельзя даже помыслить себе к нему приближения для человека, не защищенного и не вооруженного благодатным посвящением. Священство в Православии, его необходимость с аксиоматической очевидностью явствует из факта совершения Божественной Евхаристии, ибо такого таинства не может совершить человек, не может к нему даже и приблизиться. И жалким и бессильным является здесь **человеческое** избрание об-

щины для «служения слова». Протестантская идея выборного священства является религиозным абсурдом или недомыслием пред лицом Божественной Евхаристии. Здесь не имеет никакого значения **все человеческое**, ибо лишь возложение апостольских рук — чрез епископское преемство — низводит Св. Духа и делает возможными **божественные** дела чрез **человека**. Посвящение в священный сан в Православии не есть избрание к служению **слова** (хотя и оно входит в его задачи), но прежде всего допущение приблизиться к св. престолу, к свершению таинства. Посвящение есть вступление в область божественного огня, покрывающего св. престол, и первое прохождение чрез царские врата при посвящении (открытые только для священнослужителей) есть вступление в эту завесу огня. В этом огне пребывает, но не стоит священник. Последний, однако, приближаясь к престолу и священному таинству, как бы совлекается своего человеческого естества, облакаясь в священные одежды, он **облачается** и тем отделяется, временно уходит из этого мира на святую Синай.

Нужно поэтому сказать, что только Православие является Церковью в полной мере литургической. Разумеется, литургия существенна для католичества, ею дорожат и в протестантизме, хотя за отсутствием рукоположенного священства здесь и не могут уже иметь истинной литургии, но лишь в православии она имеет господствующее и определяющее значение. О православии можно сказать, что все оно есть литургия, храмовая и внехрамовая, как непрестанно переживаемое боговоплощение.

12.

Православие есть не только литургия, непрестанный опыт переживаемого боговоплощения, но оно есть и Пятидесятница, Сионская горница, в которую сходит дух Святой. Низведение Св. Духа, **освящение** всей человеческой жизни от колыбели до могилы, освящение даже стихий и вещей этого мира существенно в Православии. Православие знает, также как и католичество, только **семь** таинств в собственном смысле. Однако, кроме этого, оно имеет, можно сказать, практически неопределенное число **тайнодействий**, которые, хотя догматически и отличаются от таинств, однако же, практически неопределенно приближаются к ним. Что можно сказать, напр., о чине православного погребения, представляющего собой торжественное предание земле человеческого тела до воскресения, или о чине пострижения в монашество, при котором, подобно как при крещении, дается новое имя? Что ска-

зять об освящении вод (в Крещение, а также и в другие дни, — так наз. малое водоосвящение), где воды освящаются «силою и действием и наитием Св. Духа», или об освящении пасхального арто́са? Что можно сказать об освящении св. храма и св. престола, св. антиминса, священных сосудов, колоколов и других храмовых принадлежностей? Но далее идут и иные, частные освящения — зелия, плодов и овощей, браши и гроздий, новых домов и всякой вещи и т. д. Живущие в Церкви испытывают этот непрерывно струящийся поток освящающей благодати и, в свою очередь, стремятся к святости и освящению. Отсюда проистекает глубокая и неискоренимая черта православного благочестия, та, что оно тянется ко всякой **святине**, любит святость, где бы и в чем бы она ни проявлялась. Со стороны, для неверующего и холодного взгляда, это может казаться суеверием или просто пережитком. Надо понять это изнутри, из характера церковного опыта, из особого ведения святости и искания святости. В религиозном смысле можно сказать, что ведь человеку по-настоящему ничего не нужно вне святости и ничего он не хочет и не любит, кроме святости. **Свят Господь Бог наш**, и любовь к Богу есть любовь к святости. Народ наш любит странствовать по святым местам на поклонение святыням, он в множестве наполнял святую землю, стремясь на поклонение следам земной жизни Спасителя. Достаточно где-нибудь проявиться святине или чудотворной иконе, или, как в наши дни, иконе чудесно обновившейся, как туда стекаются толпы. И твердо верю и знаю и о теперешней, советской России: твердо верю и знаю, что, если в мире где-то и когда-то и как-то сверкнет знамение жены, облеченной в солнце, явится блистание святости, народ наш, обманутый, одурманенный большевизмом, двинется хотя в пустыню **навстречу** святине. Ни про один из народов этого не скажешь — при лучшем к ним отношении, они останутся — благоразумно — в своих городах, хотя и будут с волнением внимать происходящему, но русский народ все забудет и — потечет. И это — Православие. Так древле, во времена нашего церковного раскола, сожигали себя темные, но религиозно одаренные и сильные люди, не желая изменить святости, а другие ходили по свету, ища праведное царство с праведной жизнью и праведной верой! И это тоже Православие. И отсюда становится понятно то место, которое принадлежит здесь **бытовому** благочестию, дисциплине религиозного быта, составляющей силу и правду старообрядчества. Это все тоже стремление всю жизнь **освятить**, сделать ее внехрамовой литургией и пятидесятницей, Царствием Божиим на земле.

Православие есть лестница между небом и землею, эта лестница предназначена для восхождения; на разных своих ступенях она имеет святых, угодников Божиих. **Дивен Бог во святых Своих**, поет Церковь, и это окружение Бога святыми, плерома Святости, есть живое исполнение Церкви. Православие знает, что эта лестница утверждена для всех времен, и что ныне, как и прежде, совершается по ней восхождение. И ныне живут среди нас святые, их золотой пояс не прервется до скончания века. Прославление новых святых есть необходимое движение соков, растущая сила жизни, новое свидетельство спасения. Церковь не может сознавать силу жизни вне этого постоянного общения со святыми, также точно, как она находится в молитвенном общении и со всеми в вере усопшими чрез поминовение их на литургии и в заупокойных служениях (панихидах). На верху же лестницы есть Та, которая есть и сама эта лестница, ибо в человеческом естестве Своем вместила Духа Святого, «честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим», Матерь Божия. Нельзя найти достаточно сильных слов, чтобы надлежаще выразить, как читается в Православии Матерь Божия. Враждебные наблюдатели говорят про него, что оно есть религия не Христа, но Богоматери. Слепо и тупо уже самое это противопоставление. Через то, что оно есть вера во Христа, оно есть и почитание Богоматери, нераздельное, как нераздельны Христос и Богоматерь в боговоплощении, как нераздельны Они в изображении на богоматерних иконах. Православие чтит Богоматерь и в Ее пренебесном образе, как Матерь Божию, Царицу Небесную, превознесенную и препрославленную выше всякого создания, и как Матерь человеческого рода, святую Заступницу в скорбях, нуждах и обстоятельствах. Православие знает эту близость Богоматери к человеческому роду; Она есть в своем роде такой же незыблемый и пребывающий факт опыта, как Боговоплощение и Пятидесятница. Богоматерь живет в Церкви, являя Себя в Своих чудотворных иконах, внимая молитвам, Ей возносимым. В церковных молитвах — без преувеличения можно сказать — имя Богоматери призывается почти столь же часто, как имя Христа и Св. Троицы. Особенное значение для православного благочестия имеют эти **явления** Богоматери, как в чудотворных иконах, так и в чудесных посещениях великих святых. Из наших русских святых этого посещения удостоились преп. Сергей и — неоднократно — преп. Серафим. Эти явления и потому еще так дороги и радостны православному сердцу, ибо верит оно и знает, что всегда, и в наши дни, является Она людям достойным того, хотя бы мы этих мужей и не ведали, ибо неизменна любовь Ее к челове-

кам. В этом отношении существует, несомненно полная противоположность между православием и протестантизмом, который в религиозно-мистическом существе своем весь вырос из загадочного и непостижного нечувствия Богоматери (а далее, естественно, и всех святых). Отсюда — его рационалистическая сухость и роковое разложение: безматерний он оказывается и несыновним, распадается на отдельные обособившиеся личности. Богоматерь мистически есть Церковь, о которой сказано с креста возлюбленному ученику: Се Мати твоя. В протестантских народах должно воскреснуть почитание Богоматери, без этого нет дороги в Церковь. Гораздо менее отличается в этом отношении православие от католичества, где также чтится Дева Мария. Здесь существуют лишь догматико-психологические отличия, на которых здесь не место останавливаться.

14.

«Вы приступили к горе Сиону и к граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к ходатаю нового завета Иисусу» (Евр. 12, 22-3). Эти слова апостола, сказанные им вообще о Церкви, выражают то самое интимное, а вместе и самое важное, что есть в Православии, что есть Православие. Нет расстояния между земным и небесным, нет средостения между миром сим и нездешним, нет разделения между ушедшими и живущими, — все вместе, все — едино, небо на земле и земля освященная. Церковь есть остановившееся время, раскрывающее в себе вечность, **живое предание**, в котором действительно осуществляется церковная история. Как в интеграле жизни, во всяком ее моменте таится и сохраняется вся полнота протекшего жизненного опыта, так и Церковь нынешнего дня хранит в себе всю полноту церковного предания, оно живет в ней единым, целостным актом. Церковь есть творящееся чудо жизни, как чудесна всякая жизнь — в живом единстве своем, своею способностью **накопления** и силою этого накопления. Церковь есть полнота, и кто вкусил от полноты, уже не хочет ущербности, какою являются для православного все иные христианские исповедания. Поэтому, между прочим, таким уродством, искривлением, обнищанием являются те русские секты, которые отпадают в протестантизм разных толков (штундизм, баптизм и под.), почему и в них самих это отпадение неизменно наказуется ожесточением: ненависть к Церкви, церквебоязнь составляет неисцельный недуг русского сектантства, страдающего фарисейским самопревозношением, так

что и добродетели их, по слову блаж. Августина об язычниках, оказываются лишь блестящими пороками.

Время имеет только одно измерение в глубину — вечность, вечность же не знает временно-пространственных измерений. Православие есть переживание вечности во времени. Оно в сущности находится **вне** истории, ибо вне времени. Поэтому и почитают его судящие извне окаменевшим. Для себя оно не знает и не хочет знать силы истории, хотя и связана с нею во внешних своих судьбах. Поэтому оно архаично извне и религиозно-массивно как примитивы, оно и не хочет применяться и изменяться. Для того, кто хочет быть во что бы то ни стало *moderne*, всецело отдает себя во власть времени, Православие представляется исторической мумией. Нужно до известной степени освободиться от гнета времени, чтобы перестала смущать и стала, напротив, радовать эта независимость от времени в Православии.

15.

Православие сознает себя вселенской или кафолической Церковью. Но с кафолическостью соединяется в нем и начало поместности, ибо фактически оно осуществляется в ряде поместных церквей, автокефалий. Это не провинциализм (хотя, конечно, по человеческой немощи провинциализмом и страдают отдельные церковные общины, как впрочем, никогда от него не была свободна и папская церковь в своем итальянском романизме). Это совмещение двух разных измерений. Каждая православная община в себе имеет живой опыт своей вселенскости, т. е. открывающейся вечности, и в нем соединяется со всеми, в этом же опыте живущими. Но отсюда не рождается потребности в географически-иерархическом **выявлении** этой вселенскости, каковым для католиков является папизм. В глазах католика вселенскость Церкви это и есть пребывание в юрисдикции и под властью папы. **Организация** здесь получает определяющее значение. Напротив, для Православия вселенскость есть лишь особое **качество** церковного опыта, это есть церковность, рассматриваемая **изнутри**, и для этого чувства внешнего единства организации не требуется, не имеет решающего значения. Как церковь иерархическая, и Православие отнюдь не является равнодушным к внешней организации: устройство власти естественно вытекает из иерархических полномочий епископата. Однако, именно вселенская природа Православия, утверждая власть церковного авторитета, противится папскому единовластию и проистекающему из него всеобщему подчинению и пассивности. Вселенскость есть и соборность, понимаемая не в смысле внешнего государственного конституционализма или народоправства,

но как единение в церковном опыте вселенскости, т. е. единение в любви. При всем иерархизме Православие есть свобода, а потому и ответственность. Православная Церковь есть не войско, скованное дисциплиной и повиновением одному вождю, но народ Божий, живущий в своих кущах и имеющий своих законных отцов-пастырей и пастыреначальников. Таким образом, на духовном пути Православия папа в качестве абсолютного церковного монарха не встречается. Таким образом соединяется в Православии интимность и вселенскость, поместность и универсальность, национальные церкви и их всенародное единство, как это и было предказано Господом, пославшим Своих учеников: **научите вся языки**, крестяще их... Каждый народ сохраняется в своем бытии, но возводится к высшему соборному единству. Так и чудо Пятидесятницы не упразднило многоязычия (в пользу латыни), «каждый слышал свое собственное наречие» (Д. А. 2, 8), на котором ему возвещалась единая апостольская проповедь.

16.

Постигнуть Православие, «сущность Православия», можно только из него самого, опознав его центральное устремление, его мироощущение. Какова же эта основная и предельная интуиция Православия? Как всегда, гораздо легче отвечать на этот вопрос отрицательно, нежели положительно (*omnis definitio est negatio*), указав, что Православие **не** есть, нежели **что оно есть**. Оно явно отличается от научно-спекулятивной религии, мистического и рассудочного гнозиса, каким являлась в древности эллинская философия и мистика, а в наши дни более всего является германский протестантизм. И однако Православие включает в себя возможность самых возвышенных богословствований, которые явлены были в золотой век развития Православия в Византии, также как и научного исследования в области богословия. Православие их имеет, им не противится, их любит и дает им — одно только оно — **надлежащее** место. Однако, **не** в гнозисе пафос Православия, его судьба, его нерв. Оно явно отличается далее и от рассудочно-волевого уклада римского католицизма, которому присуща напряженная воля к действию и *Wille zur Macht* в этом мире *ad majorem Dei gloriam*, а вместе и *ad majorem romani pontificis gloriam*. И Православию может быть присущ волевой импульс, стремление определять из себя, оправославить жизнь, отвоевать у кесарева Божье и воздвигнуть крест на государственном знамени, укрепить хозяйственного человека (*economic man*), создать и укрепить православное царство. Ему также присуще искать путей для возможного торжества Царствия Божия в преде-

лах и этого мира, освящая жизнь и творчество; и ему присуще вызывать к жизни и питать собою религиозную культуру, творить исторический подвиг «средневековья». Однако, не в этом его жизнь: Православие жило до христианского государства, как живет оно и ныне, **после** него. Оно жило в культурной бедности и примитивности первохристианства, и ныне, в гонении, фактически находится в разрыве с безбожной и враждебной советской властью и оказывается **вне** культуры (если таким именем можно назвать советское убожество). И однако оно остается, может быть, более сильным, без подмен и притяжений. Нельзя умалить значения для Царствия Божия ни религиозной мысли, ни религиозной воли, ни ученого, ни волевого христианства. Напротив, каждому Бог дает свой талант и призывает к своему труду, и народы запада, и ранее церковного раскола, еще оставаясь в православии, обнаружили свой особый тип и уклон, свое особое призвание. Православие определяет христианскую жизнь как духовное искусство и почитает монашество искусством из искусств, искусством своей собственной души, и в этом и выражается собственно природа Православия. Оно есть любовь к **умной красоте**, ее непостижное видение. Любовь к красоте требует, чтобы и вся жизнь была просветлена красотой, — эта задача определяет собственную сущность Православия, его *εἶδος*. Поставить умную красоту в центре жизни и подчинить ей все остальные задачи как производные, это означает такой максимализм, перед которым и волевое и рассудочное христианство представляются упрощенными уступками, приспособлениями к этому миру. Православие в этом смысле необыкновенно трудно, а потому и аристократично.

17.

Энергией благочестия всегда является **аскетизм**. Но аскетизм может быть различен: одно дело — суровость учеников Игнатия Лойолы, а другое — строгость Оптиной Пустыни; вообще в аскетизме важно не только **как**, но и **что**. Православный аскетизм исходит из мотива (не всегда осознанного) явить в себе и чрез себя Царствие Божие. Аскетизм как таковой легко может переродиться в мироотрицание, миробоязнь и мироненавистничество. Аскета всегда подстерегает опасность манихейства и богомилства, отнимающего мир у Бога и передающего его царству тьмы. Православный аскетизм исходит из высшей любви к миру и он просветленно его приемлет и объемлет. Характерным выражением православного аскетизма является то, что в келье старца Амвросия Оптинского в числе любимых его икон была икона Божией Матери на полях, осеняющей собранные снопы. Но православный аске-

тизм является тем самым и высшим максимализмом, полным немощных трудностей в осуществлении и опасностей при неудаче. Ибо перед православным человеком поблденло видение умной красоты, он безоружен оказывается перед миром. Таковым и ныне оказывается русский человек вне православия, ибо у него отсутствует самостоятельная мускулатура воли и дисциплины, он был здоров и силен только Православием. Таковы опасности пути, однако, отказаться от него безбожно и нечестиво, ибо любить только и можно Бога в небе и Бога в творении, т. е. умную его красоту, и отказываться от этой любви, предавать ее за чечевичную похлебку, значит складывать оружие пред сатаной. Здесь, конечно, невольно возникает тревожный и мучительный вопрос о красоте, об отношении нашей земной красоты, каковой мы ее знаем, и умной красоты, каковой ее стремимся узнать. Это противоречие жгло и мучило душу Достоевского, а еще более жжет нашу душу, потому что мы находимся теперь в более старшем возрасте, чем Достоевский. Здесь дух наш раздирается антиномией, ибо стоит любить — и любить беззаветно — только красоту, и однако так любить земную красоту нельзя, ибо она может быть двусмысленна и демонична, в ней красота сменяется красотью и небесный мир застилается земным. Для того, чтобы увидеть умную красоту, нужно ослепнуть для мира, а это и есть метод аскетического делания. Метафизически-догматический ответ здесь будет таков, что истинная красота есть ошутительное действие Св. Духа, и путь к красоте духовной есть стяжание Св. Духа, которое и есть цель христианской жизни, как учил этому преп. Серафим и с ним вся православная аскетика. Земная красота относится к умной также, как мир, пораженный грехом, относится к замыслу Божию о мире. Кисть, опущенная в краски этого мира, несет с собою его чувственность и похоть, и потому по мере духовного возрастания человека блекнет для него внешняя красота; поэтому нет более ложного и изменнического отношения к красоте, чем эстетизм, который любованием красотью подменяет стремление вырваться из оков земной действительности.

18.

Но эта умная красота и есть **святость**. Бог создал мир на основе святости и ради святости. В святости первообраз человека, который взыскуется в видении умной красоты. Православие воспытывает непосредственно только это одно — искание святости, и здесь оно едино с **первохристианством**, которое также ничего другого не знало и не хотело знать. Добродетель и устроение

жизни проистекают отсюда лишь как некоторые последствия. Чем сильнее влияние Православия на души, тем лучше, упорядоченнее, моральнее и жизнь, хотя упорядочение жизни и человеческая мораль никогда не являются самоцелью для Православия, каковою они до известной степени ставятся все-таки в Протестантизме. Это имеет и свои трудные последствия, когда недостаточное разрешение высшей задачи влечет за собой неразрешение и низших задач. Понятно почему восточные, православные оказывались всегда позади западных народов в деле цивилизации (хотя и отнюдь не культуры, ибо это не одно и то же). И теперешний русский кризис, который есть кризис веры, потрясение духовной жизни православного народа, сопровождается такими разрушениями в области всех человеческих отношений. Тот «американизм», который старается привить православному народу советская власть, явился бы настоящим убийством души православного народа, если бы он способен был привиться и привести к известным положительным результатам. Но в роковой неудаче всех безбожных социалистических затей заключается духовное спасение и самооборона русского народа. Православный народ выше, а вместе и ниже средне-европейской цивилизации и социалистически-буржуазного мещанства. Он в этом положении подобен рыбе, которую заставляют дышать атмосферным воздухом. **Достойное** существование народ, принявший в себя православную стихию, может найти только в Православии. Вне его он обречен влачить жалкое существование в порабощении у социалистического и плутократического интернационала.

19.

Обратиться к Православию можно только его увидав, а увидеть его значит его полюбить. Доселе очи западных народов слепы к Православию, и души их глухи к нему. Ныне приближается уже лето благоприятное. Почва разрыхляется, в недрах западного христианства возникают движения, которые, помимо ведома и намерения, уже ведут их к Православию. Таково оживление духовной, молитвенной, литургической жизни в католичестве, силою вещей перерабатывающее законнический упрямый папизм, и таково же движение в поисках церковности в протестантском мире: вполне оно уже осознано в англиканстве, и делает еще первые, но многообещающие шаги в Протестантизме (*hochkirchliche ökumenische Bewegung*).

Протоиерей Сергей Булгаков

Прага.

В мае 1925 года.

В НЕДЕЛЮ ВСЕХ СВЯТЫХ

Праздник всех святых находится в связи с праздником Пятидесятницы, ибо святость есть результат действия Святого Духа.

Святой Дух — Третье Лицо Пресвятой Троицы — действовал в мире всегда. Он носился над бездною, творя мир (Быт. 1, 2). Он наполнял Собою все творение. Он — Тот, о Котором в молитве мы поем, что Он — «везде Сый и вся исполняяй». Это Он освящает и животворит все существующее («Послеси Духа Твоего и созиждутся» — говорится о Нем в псалме (103, 30). Это Он изливает Красоту в мире, это Он научает Истине, это Он дает радость и утешает, это Он посылает творческие силы, вдохновение и любовь. Дух «Дышет идеже хочет» — как об этом засвидетельствовал Христос в беседе с Никодимом, и Его действие не ограничено ни местом, ни временем, Он проявляет Себя в каждой точке вселенной, всякое дыхание хвалящее Господа обязано Ему своим существованием. Дух Святой подавал и подает Свои благодатные дары всем народам, населяющим земной шар. Действие Духа Божия не ограничено ничем и никем, ни географической отдаленностью, ни цветом кожи людей в зависимости от их расы, ни национальностью людей, ни их религиями, ни полом, ни возрастом или способностями!.. Дух Святой посылает Свои дары на всех и на вся, подобно солнцу восходящему над злыми и добрыми и дождю, орошающему и праведных и неправедных (Мт. V, 45). Там, где есть красота, где есть любовь и правда и радость, где есть творчество и вдохновение и окрыленность, там должны признать мы наличие действия Святого Духа. И это действие Св. Духа превосходит все наши человеческие изречения. «Не мерою дает Бог Духа!» (Ио. III, 34). Закономерность мира сего преодолевается свободой Духа, Который «Дышет идеже хочет» (Ио. III, 8). Дух проявляет Себя в дикарях и в язычниках. Он дал Свою благодатную силу никому неизвестному Мелхиседеку, не принадлежавшему ни левитскому священству, ни Израильскому роду, и Мелхиседек **благословил** Авраама (а не наоборот) (Быт. XIV, 18, Евр. VII). — Дух Святой внушил Валааму произнести пророчество на Израиля вопреки требования Валака и несмотря на то, что сам Валаам был язычником! (Числ. XX). Дух Святой открыл волхвам — язычникам из Халдеи, что звезда появившаяся на небе — есть знамение пришествия в мир Мессии — Христа (Мт. II, 1-2). Дух Святой из язычника сотника Корнилия сделал человека «благочестивого, боящегося Бога, творившего много милостыни народу и всегда молившегося Богу» еще до того, как он стал христианином (Де. X). Дух Святой научил язычницу хананеянку

обратиться с молитвой ко Христу об исцелении ее бесновавшейся дочери (Мт. XV, 21). Это Он вселился в женщину-язычницу и даровал ей веру во Христа. Под влиянием Св. Духа вера во Христа проявилась у человека не принадлежащего к богоизбранному народу, у Капернаумского сотника! (Мт. VIII, 5-12). Вера во Христа у этого язычника-сотника была такой сильной, какой Господь не находил даже и в Израиле! (Л. VII, 9).

Однако, нужно сказать, что в богоизбранном народе действие Духа Святого выявилося все же с большей силою и в большей мере, чем в других народах. Через пророков Ветхого Завета говорил Дух Святой вещи, о которых Он нигде в другом месте не говорил. Дух Святой действовал и говорил через Авраама, Моисея, Давида, Исаию, Иеремию, Иезекиилю... Израильский народ, в его целом, Дух Святой сделал «Святым» по преимуществу (Втор. VII, 16-26, 19). Израильскому народу было открыто Духом Святым представление о святости в максимальной степени, в степени не ведомой нигде в другом месте на земном шаре.

Но спросим себя, что случилось в Пятидесятницу? Что особенного было явлено Духом Святым, сошедшим на Апостолов в виде огненных языков?

В день Пятидесятницы был явлен миру **Дух Христов**.

Пятидесятницей было завершено дело боговоплощения. Об этом так говорит Господь на Прощальной Беседе: «Утешитель, Дух Истины, Которого Я пошлю вам от Отца, Он будет свидетельствовать о **Мне** (Ио. VI, 26). Он не от Себя будет говорить... но от Моего возьмет, и возвестит вам... и прославит Меня» (Ио. XVI, 13-14).

Характерное в ново-заветном явлении Духа **то**, что Он открылся не только как дыхание жизни, не только как Красота, Истина и Любовь, но Он открылся как **Дух Сына** Божия, ставшего человеком.

В Пятидесятницу было явлено миру Бого-Человечество. В Пятидесятницу появилась в мире новая вера, вера не только в Бога, но и в человека — в Богочеловека Иисуса Христа!

История этой веры, которую мы наблюдаем на протяжении 2000 лет печальна и даже трагична. Повидимому, человеку очень трудно вместить в себя эту основную истину христианства — **Богочеловечество**. Человек, при желании, легко верит в Бога (как мы знаем, вера в Бога сопровождала человечество испокон века!), человек может легко поверить и в **человека** (всякий экономический материализм, позитивизм и коммунистический атеизм основывается на этом), но человеку, повидимому, страшно трудно поверить и в Бога и в человека одновременно.

Все церковные ереси (и арианство и несторианство и монофизитство) происходят от этой трудности совмещения Божественного и человеческого. Людям, повидимому, необычайно трудно принять в свое сердце истину выраженную преп. Максимом Исповедником, что Бог создал человека для того, чтобы в него воплотиться! *). Людям кажется невероятным, невозможным совмещение Творца со своим творением (Мт. XXVIII, 17). Между тем именно об этом свидетельствует факт Вознесения Христа на Небо со Своею плотью и Его сидение в теле одесную Бога Отца (Мр. XVI, 19).

Вера, открывшаяся миру в день Пятидесятницы, есть вера не чисто духовная («спиритуалистическая») это **вера богочеловеческая**. Человек есть воплощенный Дух. Человек создан по образу и подобию Божию и призван к обожению. Задача христианства есть не отказ от мира, но преобразование мира для Царства Божия. В христианстве человек обращен не только к Богу, но и к человеку, к его творчеству, к его естественным дарам. Задачей христианина является просвещение (так сказать «спасение») и собственной души и других людей и семьи и общества и государства и всей вселенной. Объектом христианского делания являются проблемы социальные, культурные, научные, технические... Христианин ответственен за судьбу всего мира и человечества. Его горизонты не только личные и национальные, а в то же время и интернациональные и космические! Личное спасение дается тем, которые ищут всеобщего спасения, т. е. Царства Божия. Святой человек в христианстве не в коем случае не эгоист!

Христианская святость духовна, то есть свободна, не ограничена. Она не терпит законничества фарисейского формализма и замкнутости. Отшельники это вовсе не люди ненавидящие мир и от него убегающие как от заразы. Отшельники это люди убегающие лишь от зла мира, но молящиеся за мир и любящие мир. Христианская святость стоит перед задачей преодоления в мире непереносимого дуализма, разделяющего и раздробляющего человеческую природу. Для христианина невозможно, например, противоположение аскезы и техники. И если это в истории делалось, то лишь по причинам педагогическим, в силу церковной экономии. Духовная жизнь для христианина заключается не в противопоставлении «духа» и «тела», но в противопоставлении «добра» и «зла». Христианская святость призвана к преобразению и просветлению всего мира. Христианин помнит, что Царство

*) Что цель творения мира есть боговоплощение, что боговоплощение есть именно цель, а не средство чего-то еще..

Божие и пришествие Христа грядущего во славе, подготавливается и человеческой активностью, человеческим творчеством. От человека зависит конец мира, а не только от Бога. «Исполнение» мира и Церкви святостью и совершенством, по слову ап. Павла к Евреям (Евр. XI, 40) **достигается не без нас, не без нашего участия**. Человек поставлен Богом быть садовником в саду Эдемском, чтобы «хранить и возделывать его» (Быт. II, 15).

Цель христианской активности есть участие в деле Духа Христова Утешителя, то есть в деле **исполнения Богочеловечества**. Поэтому святость христианская есть святость духовно-телесная. Она есть симфония, гармония и единство, то есть мудрость о целом — **цело-мудрие**, — мудрость о целом мире, о целом государстве, о целостной культуре, гармоническом обществе и гармонической личности самой в себе.

Цель христианской святости это **соборность**, то есть универсальная государственная, общественная, культурная и личная **собранность** в Духе Христовом. «Дабы все небесное и земное соединилось под главою Христом» (Еф. I, 9). «Дабы все, что из Него и Им, пришло бы к Нему» (Рим. XI, 36) и «Дабы Бог был всяческая во всех! (I кор. XV, 20).

Свящ. Георгий Сериков

«СКАЗАНИЕ И СТРАСТЬ И ПОХВАЛА СВЯТООМУ МУЧЕНИКУ БОРИСА И ГЛѢБА»

Сказание о Борисе и Глебе — самое совершенное произведение древне-русской словесности. Слово о подку Игореве ярче, выразительнее, но в нем нет строя и лада Сказания. В основе его лежит исторический факт. После смерти великого князя Владимира в апреле 1015 года, его сын и преемник на киевском столе, Святополк (Окаянный) приказал убить своих младших сводных братьев Бориса и Глеба (от брака отца их с болгарыней). Оба брата были убиты подосланными убийцами в том же самом году (согласно преданию, Борис 24-го июля, а Глеб 5-го сентября). Об этом мы узнаем из летописи. На основе летописного рассказа были написаны два других произведения: 1) Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба (прежде приписывавшееся Иакову-мниху) и 2) Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпицу Бориса и Глеба (составленное Нестором). Предполагается, что оба эти памятника были написаны в конце XI-го или в начале XII-века. Древнейший список Сказания от-

носится к XII-му веку, а Чтения к XIV-му веку. Несторовское Чтение (которое вероятно было составлено после Сказания), написано согласно канонам житийной литературы; оно схематично и в нем мало подробностей. Сказание же отступает от канонов византийской агиографии — это оригинальное творение выдающегося мастера слова, религиозного поэта; и именно Сказание, а не другие варианты рассказа о гибели Бориса и Глеба, стали излюбленным чтением в древней Руси (оно дошло до нас в 170 списках). Между прочим, Сказание было включено также и в армянские Четьи Минеи XIII-го века.

Советский историк древней русской литературы Н. К. Гудзий находит политическую тенденцию во всех рассказах о Борисе и Глебе: он утверждает, что прославление и канонизация этих князей-рюриковичей, первых святых земли русской, совершались в интересах правящей династии. Но по верному замечанию Г. П. Федотова («Святые древней Руси») потомки Рюрика скорее должны были бы добиваться канонизации Св. Владимира. Его прославление находим в риторических проповедях митрополита Илариона (в первой половине XI-го века), уподобившего этого князя равноапостольному кесарю Константину. Но Владимир был причислен к лику святых позднее и даже после этого оставался чуждым уму и сердцу древней Руси. Небесные предстатели ее — не этот русский Константин, а св. Борис и Глеб, у которых никаких политических заслуг не было. Правда, тот же Гудзий и некоторые другие историки утверждают, что оба князя-юноши, не пожелавшие поднять руку на старшего брата, тем самым укрепили идею родового старшинства в системе княжеского наследования; и в этом Гудзий усматривает их политическую заслугу. Однако, при этом упускается из виду, что в Сказании и в летописи прославляется и Ярослав Мудрый, который восстал на Святополка и, значит, нарушил идею родового старшинства. Вообще же, во всех рассказах о Борисе и Глебе подчеркивается нечто совсем иное: не идея родового старшинства, а живой образ Христа, добровольно пострадавшего за други своя. Сказание возвышало и умиляло вне всякой политики.

По мнению других исследователей образцом повестей о Борисе и Глебе могла быть чешская легенда о Св. Вацлаве, тоже убитом братом и упоминаемом в Сказании (Чижевский). Но оба рассказа существенным образом отличаются: и биографиями их героев, и общей оценкой.

Самый текст Сказания легко, без натяжки, распадается на отдельные строчки, как в молитвах, в церковных песнопениях, в псалмах. Деление на отдельные стихи подсказывается не только

естественными паузами, но и единоначатиями: спасися, како, кто или же (особенно часто) союзом и. Кроме того имеется немало параллельных синтаксических конструкций, например:

обувъ нозѣ свои,
и умывъ лице свое.

Евфония самая разнообразная. Иногда повторяются те же слова в разных формах (полюптотон):

Отъ двою
Плачу плачюся
И стению,
дѣвью
сѣтованію сѣтую
и тужю.

Описание брэнной славы мира сего передается близким по звучанию словами: и багряница, и брячины (пиры). В описании прибытия убийц Бориса повторяются шипящие ш и слышится столь звучной в индо-европейских языках комбинацией р с любыми другими согласными:

услыша шпѣть (шопот) зьль
окръсть шатѣра,
и трѣпѣтьнѣ бивѣ.

Или:

Увы мнѣ!
Уне бы съ тобою
Умрети ми
неже уединену и усирену
отъ тебе
въ семь житіи пожити.

Воющие у в этом плаче Глеба смягчаются мягкими ме, не, ре. А в другом месте находим инструментовку на мол и мил:

Молю вы ся
и милъ вы ся
дѣю.

Тот же мотив имеется и в повести о Борисе. Великий певец Сказания был мастером звукописи: он знал тайну волшебных зву-

ков (пушкинское выражение). Ему могли бы восхищенно позавидовать многие современные русские поэты.

Выразительны и многие обороты. Священник (попин) Бориса и его отрок, угрин Георгий, обращаются к нему (в двойственном числе):

Милый господине,
наю и драгий!
Колико благости испълненъ бысть,
яко не въсхоте противитися брату
любъве ради Христови, —
а колики вои държа
въ руку своєю!

Здесь патетическая похвала усиливается повторным выражением крайнего изумления: колико благости... колики вои държа (сколько он имел воинов). При передаче обоих этих восклицательных выражений голос чтеца естественно подымается на один тон выше. Можно утверждать, что весь вообще текст предопределяет музыкальные тона речитатива, говорную мелодию этой организованной речи, которая еще требует внимательного изучения.

Основная тема Сказания — евангельская: это непротивление злу силой. Почему надо любить ближнего, даже злого? В подтверждение этой истины певец Сказания приводит следующие тексты: «иже рече: Бога люблю, а брата своего ненавижу, — лъжь есть (1 посл. Иоанна, 4, 20)... боязни въ любъви нѣсть; съвршеная любви вьнѣ измещеть страхъ» (там же, 18). Эти же самые тексты о любви к человеку, без которой нет любви к Богу, встречаем и в летописи, в годы близкие написанию Сказания: в поучении Изяслава Ярославича (1078 г.), в поучении другого князя, Владимира Мономаха (1096 г.), и, наконец, в записи под 1149 г. Так, самая сущность евангелия, откровение о любви, вдохновляла и летописца, и певца Сказания. И их толкование имеет мало общего с учением Толстого о непротивлении злу силой: если для последнего центральное значение имеет христианская мораль, то для древне-киевских авторов — живой образ Христа; и если первый самоуверенно морализует, то последние драматизируют тему.

Совершенная любовь (ко Христу, к ближнему) изгоняет страх, но Борис и Глеб смерти боятся. Есть напряженный трагизм в их лирических монологах. Сложная борьба происходит в душе Бориса: сначала он не боится, потом им овладевает страх; ему становится жаль самого себя (он помышляет «о красотѣ и добротѣ телесе своего»); но вот он вспоминает слова Божии о том, что

нужно погубить душу свою; ободренный, он отвергает предложение дружины свергнуть злого брата, Святополка, и самому сесть на киевском столе; затем ему снится страшный сон, но утром он снова повторяет евангельские слова о том, что совершенная любовь изгоняет страх и кротко умирает в мучениях (подосланные убийцы сперва ранят его и он очень страдает). Эти переходы от страха к бесстрашию в любви — психологичны, но Сказание основано не на одной психологии, а более всего на религиозном опыте: в гибели юношей страстотерпцев раскрывается образ Христа, который страдал во искупление грехов. Вдохновляясь этим образом Борис молит: «съподоби и мя принять страсть...» и если он не всегда проявляет мужество, то ведь и Христос на кресте воскликнул: «Боже, Боже за что Ты меня оставил». Борис и Глеб психологически умиляются и религиозно возвышают душу, ибо умирают во Христе. В центре этой поэмы — Христос.

Совсем юный Глеб (едва ли юноша, еще отрок), еще в большей степени чем Борис, преисполнен страха; он умоляет убийц о пощаде и обращается к Господу: «се бо закалаем есмь не вѣмъ что ради». Но, как и его старший брат, он, в конце концов, смиряется и принимает смерть во Христе. Глеба, «яко агня», закалывает его собственный повар Торчин (который вероятно хотел выслужиться перед Святополком).

Как верно замечает Г. П. Федотов, у Бориса и Глеба нет житейных заслуг, они вне византийской агиографической традиции; можно даже добавить, что они слабее канонических святых, и, вместе с тем, может быть человечнее их, понятнее, ближе. Певец Сказания подчеркивает, что умереть во Христе очень трудно; и все-таки после долгой внутренней борьбы, которая более драматизирована, чем самые убийства, оба юных князя добровольно умирают во Христе и тем самым приобщаются Ему, сияют рядом с ним. Федотов пишет в заключение: «Через жития святых страстотерпцев, как через Евангелие, образ кроткого и страдающего Спасителя вошел в сердце русского народа — навеки, как самая заветная его святыня».

Из эпизодических героев Сказания выделяется фигура угрина (венгра) Георгия, которого Борис любил «паче меры». Князь перед смертью одаряет преданного юношу (оруженосца?) золотой гривой — знаком своего княжеского достоинства и вскоре убийцы Георгия обезглавливают.

В Сказании и Борис и Глеб плачут; плачет и их верная дружина. Но это не значит, что они на самом деле пролили столько слез! «Пролитие» их во многих древне-русских памятниках (включая летописи). — литературная гипербола при описании большо-

го горя. Вообще же в этой поэме нет нездорового религиозного надрыва, нет чувствительности, но есть чувство. Автор — евангельский реалист, чуждый и сентиментализма, и риторизма. При всей драматичности повесть развивается спокойно. Композиция монологов, диалогов и описаний — продумана, стиль выверен; есть звукопись, но нет украшений, пышной метафорики (как позднее в полужыческом Слове о полку Игореве). Оно легко читается (даже при отсутствии подготовки, без знания древне-русского языка).

Сказания — творение совершенное: прекрасное в своей простоте. Неведомый певец — чистый сердцем христианин и, вместе с тем, великий словесник, сумевший найти в русском языке лучшие слова и звуки для своей лирической повести, близкой по стилю церковной гимнологии. Сказание воспринимается теперь, как евфоническая поэма, написанная белыми стихами и может быть поставлена рядом с другой «белой» поэмой, с более прославленным Словом о Полку Игореве. Впоследствии лишь Пушкин в «Евгении Онегине» достиг совершенства, равного Сказанию и Слову, хотя, конечно, его «роман, написанный в стихах» является произведением другого стиля, другой эпохи, ничего общего с Киевской Русью не имеющим.

Сказание умиляло и возвышало, но, все-таки, как именно оно воспринималось в древней Руси, мы не знаем и никогда не узнаем. Но, несомненно, оно продолжает жить, как поэтическое откровение русского языка, пусть и очень изменившегося. Через Сказание русский читатель ощущает древний киевский язык родным, своим: и словесно, и по звуку. В плане же духовном евангельский реализм и лиризм Сказания должен быть понятен христианину любого вероисповедания, да и не христианину. Сказание — первый великий памятник национальной литературы и оно универсально по своей человечности.

Русская история, литература, культура начинается с легенды о трех призванных варяжских князьях. Германско-дружинный пафос чувствуется и после крещения Руси при Владимире, в героике Слова о полку Игореве. Языческая или полу-языческая разбойная дружина имела свои понятия о чести; она составляла братство. Но рядом с этим братством братьев-разбойников было другое братство: во Христе. Это христианская филия Бориса, оставшихся ему верных — попина и отрока (угрина Георгия), и Глеба.

Не к христианскому учению, а к самому Христу и его братству Русь приблизилась, приобщилась через поэзию Сказания не в большей ли мере, чем даже через житие Св. Феодосия? Этот великий подвижник XI-го века — лучший, истинный христианин

своей эпохи, первый светоч православия, о жизни и заслугах которого мы знаем немало. Борис и Глеб личности исторические, но о жизни их мы почти ничего не знаем. Все рассказы о них, включая Сказания говорят преимущественно об их гибели. Но через образы этих князей-страстотерпцев Русь увидела распятого Христа. Этот памятник чужд византийской культуре. Но обращение в христианство через Византию и переводы византийской церковной литературы остаются факторами, определившими самое духовное существование древней Руси. Если бы через Византию и Болгарию Русь получила бы не славянское Св. Писание, а греческое, и прошла бы через аналогичную западно-латинской школе — школу восточно-греческую, она была бы более духовно-дисциплинированной и культурной, но едва ли в таком случае появились бы столь ранние памятники русской литературы, как летописи, жития и Сказание.

Ю. Иваск

Абрамович, Д. И. Жития Бориса и Глеба и службы им. Памятники древн. русской литературы, вып. II, изд. Отдел. русского языка и словесности, II, 1916.

Бугославский, А. С. Памятки XI-XVII в.в. про князів Бориса и Гліба. Киев, 1928.

Федотов, Г. П. Святые древней Руси. Париж, 1931.

Гудзий, Н. К. История древней русской литературы, Москва, 1953.

Tschizewskij, D. Altrussische Literaturgeschichte im II, 12. und 13. Jahrhundert, Frankfurt/M, 1948.

ОБРАЗЫ ГРЕЦИИ

Л ю д и

Если вы хотите полюбить Грецию, то не оставайтесь слишком долго в Афинах, а поезжайте куда-нибудь в деревню, лучше всего, на острова. Выберите место, где нет туристов, где население не избаловано легкой наживой, где еще чувствуется старая Греция. И вы будете очарованы не только природой, но людьми — такими, каких на Западе, в Европе уже нет. Первое, что вам бросится в глаза — это удивительная благожелательность и услужливость, готовность помочь и сделать все возможное, чтобы вам было удобно и приятно. Это отношение к иностранцам характерно для всей Греции и его вы все время благодарно чувствуете как в деревне, так и в городе. Если вы находитесь в затруднении, не знаете как пройти, не можете объясниться в магазине — будьте уверены, что кто-либо обязательно к вам подойдет, спросит на

одном из западных языков в чем дело и поможет вам выбраться из трудного положения; иногда даже проводит вас и уйдет только удостоверившись, что все в порядке. Забота об иностранцах получила даже официальное выражение в так называемой туристической полиции. Это удивительный институт официальных ангелов хранителей. Если вы ищете комнату или ресторан, если вы в затруднении относительно языка, расписания поездов, покупок, найма лодки или осла — обращайтесь сейчас же к полицейскому с голубым треугольником на плече. Он, во-первых, хотя и с трудом, но объяснится с вами на каком-либо из доступных вам языков; во-вторых, даст вам совет, на который вы можете смело положиться; в-третьих, поможет вам найти то, что вы ищете.

Мы приехали в Олимпию; сейчас же нас окружили хозяева гостиницы и ресторанов, почти что вырывая из рук наши чемоданы. Но я сказал им «охи» и обратился к голубому полицейскому. «Мне нужна комната». — «Сколько вы можете платить?» — «До двадцати драхм за ночь за человека» (это обычная цена скромных гостиниц). — «Здесьние отели значительно дороже, я вас отведу в частный дом». Он взял наши чемоданы и через 5 минут мы пришли в прелестную семью крестьян, где к нам отнеслись как к желанным и дорогим гостям. Нам отвели чистую комнату, о нас заботились, расспрашивали откуда мы, рассказывали о себе — словом обрадовали нас человеческим, почти дружеским отношением. Приветливость греков к иностранцам — повсеместна, и очень скоро вы начинаете понимать, что это — не случайная психологическая черта доброго и простодушного народа, а результат глубокой многовековой культуры.

С легкой руки Шпенглера мы стали различать цивилизацию и культуру, понимая под первой технические достижения нашей эпохи, а под культурой — совокупность духовных ценностей. Это по существу неверно, потому что само слово «цивилизация» указывает на правовое и государственное устройство общества; а отнюдь не на его машины и другие технические приспособления. Но, принимая условно эту терминологию, мы часто говорим о современном человеке как о существе цивилизованном, но не культурном: он ориентируется в сложном механизме современной жизни, он привык к телефону и к радио, он выполняет разнообразные технические функции, но он утратил самые основные понятия, которые лежат в основе духовной культуры. В Греции мы видим как раз обратное: «цивилизации» здесь мало; жизнь современной греческой деревни мало чем отличается от условий XVII века, а может быть даже и более отдаленных эпох. Но культура — настоящая духовная культура — создание греческой античности,

воспринятая и распространенная Римом, оплодотворенная христианством и выродившаяся в новой истории — чувствуется здесь на каждом шагу. Греки называют ее «политизмос» (точный эквивалент «цивилизации»), не различая в ней духовной и материальной сторон. И когда они гордятся своим «политизмосом», указывая на разные технические достижения и забывая о главном — нам это несколько смешно. Но когда мы попадаем в простую крестьянскую семью, наблюдаем деревенских детей (которые о политизмосе не думают) — тогда мы чувствуем себя в подлинно культурной атмосфере, заново открываем, в чем заключается сущность нашей старой европейской культуры. В основе ее лежит достоинство человека. История говорит нам, что античная культура не знала понятия личности, той личности, «которой весь мир не достоин» (Евр. 11, 38). Это понятие личности как образа Божия было откровением христианства. В греческой же религиозности отношение было как раз обратное: боги являли в себе образ человека. Но идеал свободного человека, гражданина, живущего в обществе себе подобных, уважаемого и уважающего, умеренного и разумного — бесспорно создан античной культурой (правильнее сказать, что сама эта культура создана идеалом подобного человека). Этот свободный человек живет до сих пор в греческом простолюдине. Уважение к себе делает его свободным по отношению к другим. Он услужлив, но в нем нет и тени лакейства; он вежлив без слащавости и приветлив без искательства. Мы шли однажды с приятелем в сады Св. Христодула*), сбились с дороги и попали в чужое имение. Час был послеобеденный, солнце пекло нестерпимо, все живое спало и мы опасались, что хозяева встретят не слишком приветливо. Ничуть не бывало! Нам не только показали и объяснили дорогу, но тотчас же была принесена скамейка, холодная вода, а затем кофе и виноград. Подились вопросы: кто вы? откуда? надолго ли здесь? Греки вообще очень любопытны; эти вопросы задают вам постоянно совершенно незнакомые люди. Но в данном случае я чувствовал, что отвечая на эти вопросы, я не просто удовлетворял праздному любопытству: я был гостем и должен был представиться. И действительно: крестьянин, который был босиком и в разорванной рубашке, встречая меня потом в церкви и в городе, считал меня за знакомого, пожимал руку, справлялся о здоровье семьи...

Во всех словах, во всех жестах этих людей чувствуется че-

*) Так называется ущелье, спускающееся на запад от «хоры» («верхнего» города, расположенного вокруг монастыря на острове Патмосе): когда-то в нем были «сады»; теперь осталось только несколько деревьев.

ловеческое достоинство — основа внутренней и внешней свободы. Равенство в человечности нисколько не мешает при этом различию общественных положений; но последние являются именно положениями, общественными функциями, которые не могут ни прибавить росту человеку, ни сделать его более или менее человеком.

В маленьком ресторанчике, в котором мы питаемся, прислуживают два мальчика (один из них прекрасно поет во время богослужений в церкви). Они скромны, услужливы; но когда народу мало и им нечего делать, они сидят за столиком и мирно беседуют. И сам хозяин — милейший Маноли, который вечно суетится, режет мясо и томаты, откупоривает бутылки, считает деньги, садится рядом с клиентом, чтобы выкурить папироску или выпить стакан вина. При этом он почтителен, услужлив, воспитанность видимо у них в крови.

Особенно хороши старые женщины; в них древняя культурность органически слита с началами христианства, и у них нужно учиться жизни. В их жестах, в их словах, в их внимательных глазах и добрых улыбках чувствуется, что христианство для них не только привычное благочестие и вера отцов, но сама жизнь, ежедневный «подвиг деятельной любви», ежечасная жертва собой в служении своим мужьям, детям, внукам, правнукам. Думаю, что именно они суть носительницы греческой духовности, что благодаря им огонь веры передается из поколения в поколение. На вид они часто суровы, но в глазах и в улыбках — доброта и благожелательность. А если они еще узнают, что иностранец — православный, то радости их нет конца. «Калός, калός», говорят они, гладя вас по плечу и лаская вас материнской рукой. И так естественно поцеловать эти морщинистые загорелые руки, которые они в таких случаях и не отнимают. Греческие женщины всю жизнь работают как ломовые лошади, но сохраняют при этом достоинство, скажу даже — величие королей. Когда в доме знакомого профессора архимандрита его старушка мать, приготовив нам пищу и поставив ее перед нами на стол, отказывалась сесть вместе с нами и стояла у притолки двери, смотря, как мы едим, то чувствовалось, что именно ею — этой молчаливой тенью, этой незаметной труженицей и тысячами таких же, как она — держится и греческая жизнь и греческая церковь и греческая культура.

Прелестны деревенские дети; в них тоже инстинктивное сочетание доверчивости, ласковости, наивного любопытства, желания услужить и — чувства собственного достоинства. Дайте им конфетку или монетку, они возьмут ее почти небрежно, между прочим, скажут вам «евхаристо», но каким-то неуловимым и конечно бессознательным жестом дадут вам понять, что не в этом

дело, что не для этого они к вам пришли... Они смыслены, понятливы и деликатны, и как отличаются они от детей афинской интеллигенции, большею частью капризных, избалованных и крикунов. С детства их приучают к церкви: маленький пятилетний Христодул поет и читает наизусть целые акафисты; через несколько лет он вероятно будет петь в церкви; сложную и совершенно недоступную для нас византийскую гамму он усвоит, как песнь матери, как естественную мелодию молитвы.

Внешним выражением комплекса «благожелательности-достоинства» является греческая манера кланяться. Я не устаю любоваться изяществом, мерностью и выразительностью этого жеста, который сопровождает евангельское «хэрэтэ». Его очень трудно определить, ибо это не поклон, не кивок, а наклонение головы немного в бок, немного вниз. И когда вспомнишь, как кланяются европейцы и даже некоторые азиаты (японцы напр.), тогда видишь, что изящество древних скульптур укоренено в жизни, как и сама эта жизнь вероятно оформлена несравненной красотой античного искусства. Греческий поклон есть поклон свободного человека; и это сознание собственного достоинства придает ему благожелательность, почтительность и важность. Сравниться с ним может быть может только манера кланяться индусов — столь изящная и выразительная, что говоря с ними становится стыдно за собственную деревянность.

Символическим изображением, так сказать, иконой «политизмоса», является знаменитый Элевзинский барельеф, на котором Деметра дает сыну приютившего ее царя Келея, Триптолему, первый колос пшеницы. Жест богини многозначителен: он не только учит юношу сеять и жать (это означало бы техническое использование сил природы), но содержит в себе целую философию культуры, целую систему ценностей, которая была предметом Элевзинского благовестия: богиня как бы говорит смелому и воинственному юноше: забудь войну; перекуй свой меч в плуг; отдайся мирному труду; правда не в завоеваниях, не в героизме, а в труде и подвиге... Триптолем принимает дар богини; но вся его поза, исполненная энергии и отваги, — плохая гарантия, что он исполнит завет богини. В каждом ведь юноше таится петух, а выросши он слишком часто являет собой дикого зверя. Но в то время как на Западе этот зверь был окружен своеобразным культом и был увенчан венком победителя, здесь в Греции жива еще традиция Элевзина, венчающая лавром не силу, а добродетель и искусство и видящая смысл жизни в мирном труде, в хранении и возделывании того рая, образом которого так часто является природа этой благодатной страны.

ДЕВОЧКА С ДУШИСТОЙ ТРАВКОЙ

Остров Патмос, 20 июля.

Мы возвращались с дальней прогулки; в сумерках миновали мы ближайшую бухту и проходили мимо группы домов, составлявших как бы пригород нашей «Скалы»^{*}). Внезапно от терявшейся в сумерках белой стены дома отделилась фигурка девочки и подойдя к нам — молча — дала каждому из нас по пучку душистой травки. И сейчас же исчезла — как видение. Мелькнули только огромные глаза, косичка и милая застенчивая улыбка...

Когда через несколько дней мы снова шли в том же направлении, я купил плитку шоколада, чтобы хоть чем-либо ответить на ласку незнакомой девочки. Но ее уже не было и шоколадка осталась у меня в кармане. Но вот вечером — когда мы усталые возвращались домой — то же видение и та же душистая травка! Ждала она нас, или случайно увидела — так и осталось для меня загадкой. Я дал ей плитку шоколада, услышал обычное «евхаристо», сопровождаемое полным грации кивком головы. Мелькнула та же улыбка — и видение исчезло.

Уже впоследствии я узнал, что травка эта называется «василико», и что давать ее иностранцам — освященный древностью обычай. А называется она «василико» вот почему: когда святая Елена пришла в Иерусалим, чтобы найти Крест Христов, то она долго и тщетно его искала. Потеряв всякую надежду она грустно бродила по Голгофе, спрашивая себя где же может быть зарыто живоносное древо. Но вдруг ее внимание привлек к себе пучок свежей зеленой травы; она сорвала травинку, поднесла ее к своему лицу и ощутила чудесный запах — одновременно сладостный и горький. «Здесь должен быть Крест Христов», сказала себе царица: не может быть, чтобы эта душистая травка росла здесь зря». Она велела копать землю на этом месте и скоро увидела трехсоставный Крест... Травку назвали поэтому «василико» (царицына) и стали давать иностранцам в знак приветия... Она растет повсюду (надо только уметь отличать ее от других трав) и девочка могла сорвать ее, как только увидела вдали маячущие фигуры иностранцев. Но этот молчаливый жест незнакомой девочки остался в душе как символ внимания и приветия к чужестранцам этого милого и простодушного народа.

Но благоуханна в Греции не только травка василико. Нигде в мире нет такого разнообразия и тонкости ароматов, как в этой

^{*}) «Скала» — порт Патмоса — довольно большая деревня — торговый и административный центр острова. «Хора» — верхний город, окружающий монастырь.

обоженной солнцем и иссушенной ветрами стране. Целые волны ароматов овевают вас и в пустынных горах и в тенистых рощах и даже на пыльных улицах Афин. Если можно характеризовать запахи словом, то я бы разделил их на две категории — сладкие, пряные ароматы цветов и нежные, горьковатые запахи трав. К этому надо еще прибавить смолистое благоухание кипарисов и сосен в редких в Греции рощах и лесах. Розы, рододендроны, жимолость... их нет надобности культивировать: они растут дико — в оврагах, на улицах, в заброшенных садах. Проходя мимо них попадаешь в душистое облако, которое не может рассеять и ветер. А с другой стороны скромные незаметные травки, маленькие высушенные цветочки (типа иммортелей), которые, и будучи сорваны, долго сохраняют свой горьковатый, проникающий в душу запах.

Греки их прекрасно знают. Мы шли с приятелем студентом по голым горам Патмоса: камень, высохшая земля, колючки. Но то тут, то там он внезапно наклонялся, срывал на ходу пучок незаметной, часто серой, травы и подавал его мне. И это дало целую симфонию ароматов. Их очарования и различия между собой словами не опишешь...

Запахи вообще принадлежат к самым таинственным явлениям нашего мира. Ничто другое не действует на душу столь непосредственно и столь независимо от какого бы то ни было рационального содержания. И ничто не связывает так глубоко телесное восприятие с духовным переживанием как запахи. Недаром же в Ветхом Завете Сам Бог «обоняет приятное благоухание» (Ноева всежжения). (Быт. 8,21) и в Апокалипсисе (дым фимиама с молитвами святых возносится пред Богом) (Откр. 8, 4).

А с другой стороны ничто не являет присутствие злой силы с такой непосредственной очевидностью, как исходящий от нее смрад.

Ароматы цветов чудесно переносят нас в первозданный рай. Но падшему человеку чистый рай — недоступен; ибо он всегда помнит о грехе, и грусть может быть является самой глубокой основой, самой интимной реальностью всей нашей жизни. Насладиться чистой радостью рая нам не дано. Вот почему сладкие запахи цветов кажутся нам несколько пряными, приторными, слишком «красивыми»; тогда как горьковатый аромат душистых травок таит в себе несказанную прелесть жизни, пробивающейся сквозь камни пустыни, нежности, преодолевающей грех и разочарование, радости, помнящей о страдании и смерти.

Вот почему травка василико и ее незаметные сестры всегда будут напоминать нам о сладости Креста — символе страдания и воскресения — жизни, побеждающей смерть. Л. Зандер

СКОЛЬКО ЦЕРКВЕЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ?

По поводу статьи Н. Струве, в № 45 «Вестника»

Мне хочется высказать свои соображения по поводу рассуждений Н. Струве о количестве церквей в Сов. России. Этот вопрос очень значительный, потому что советская власть для экспорта искажает факты и нам лучше не повторять лживых советских утверждений. Тем более, что большевики все делают с расчетом и, повторяя их заявления, мы бессознательно поддерживаем то, чего они хотят добиться.

Да, не раз, но всегда как-то вскользь, разные лица в СССР сообщали, что в Советском Союзе якобы 22.000 церквей. Но подробностей (географическое распределение) по этому поводу никогда не сообщалось.

Эта цифра у меня вызывает большие сомнения по следующим причинам: по Суворинскому календарю 1915 года, в России было 53.546 православных церквей и соборов; кроме того указано 22.850 часовен и молитвенных домов. Но эта последняя цифра меня сейчас не интересует. Я говорю о зданиях, где есть престол для служения литургии, т. е. только о 53.546-ти церквах и соборах.

Над Россией пронесся страшный, бесовский, разрушительный смерч религиозных гонений. Открытые и яростно-активные гонения продолжались более двадцати лет. Духовенство физически искоренялось тысячами, церкви по уездам закрывались одна за другой. И вдруг теперь оказывается, что закрыто только 59% церквей, действовавших в 1914 году, а 41% будто бы открыт. Очень выгодное для большевиков утверждение, показывающее, что они не так уж свирепо искореняли церкви и религию. Проверка же очень трудна. Мы знаем, что в Москве, после войны, было около 35-ти церквей (столько же сколько православных престолов в Париже и его районе). Другими словами, уцелело менее 10%. Год тому назад Л. Н. Парийский (инспектор «ленинградской» духовной академии) сообщил моему доброму знакомому, что в Петрограде, до революции, было 90 церквей, а теперь осталось 9, т. е. 10%. Думаю, что в отношении закрытия церквей Москва и Петроград были в лучшем положении, чем вся страна. Поэтому, на мой взгляд, в настоящее время вряд ли существует на основной территории Советской России более 5.300 церквей, т. е. 10% всех церквей, в которых совершались богослужения в 1915 году. Я лично думаю, что и этого количества не существует.

В это число, однако не входят церкви, находящиеся в областях, присоединенных к Советскому Союзу после Второй Мировой Войны.

Со статистическими или арифметическими расчетами Н. Струве относительно количества прихожан и верующих, я тоже не совсем согласен. Но даже если он ошибается, это его ошибка, а не повторение советских умышленно ложных сведений. Зато автор доклада убедительно и верно указал на то, что в Советской России, несмотря на церковный террор большевиков, масса населения все еще чувствует себя связанной с Православной Церковью. Число совершаемых крещений в настоящее время это подтверждает. Это чудо, о котором нельзя забывать. Будем верить и надеяться, что так будет продолжаться.

А. Борман

ОТВЕТ А. БОРМАНУ

Возражение А. Бормана небезосновательно и требует рассмотрения.

1) Я готов согласиться, что число 22.000 действующих церквей преувеличено и уже дал это понять в своей статье. Но я никак не могу согласиться с утверждением, что в Сов. России открыто не больше 5.300 церквей. Эта цифра находится неизмеримо дальше от истины, чем цифра 22.000. А. Борман верно предполагает, что в Москве и Петербурге в настоящее время открыто всего 10% церквей по отношению к дореволюционному времени⁽¹⁾. Но, как я показал в своей статье, судить по крупным промышленным городам, причем не подвергавшимся немецкой оккупации, нельзя, ибо в них положение Церкви наименее благоприятное. Если в Москве действует 10% церквей (даже меньше), то в каком-нибудь небольшом городе или селе, где была и осталась всего одна церковь, процент повышается до 100. Поэтому ошибочно распространять процент открытых церквей в Москве и Петербурге на всю Россию.

2) А. Борман утверждает, что повторяя вслед за представителями Церкви в Сов. России, что сейчас открыто 22.000 церквей (т. е. 41% по отношению к количеству церквей до революции)⁽²⁾ мы играем на руку советской пропаганде, ибо тем самым отрицаем жестокость, если не самую реальность гонений. Тут явное недоразумение. Мы ведь говорим о церквах открытых не в 1940 году, после 20-летних гонений (когда их было не больше 5%), а в 1954 г. Всем известно, что во время немецкой оккупации, церкви открывались повсеместно и в большом количестве: за какие-нибудь два-три года в Одессе было вновь открыто 20 церквей, в Ростове на Дону 9 и т. д. В некоторых городах, во время немецкой оккупации, было больше церквей чем сейчас; так в Пскове, благодаря миссии экзарха митр. Сергия (Воскресенского), в 1943 г., было 6 церквей, тогда как сейчас их всего 3. Церкви открывались и в неоккупированных областях, но, естественно, в гораздо меньшем масштабе (по одной, две или три в крупных городах). А. Борман этого совершенно не учитывает.

3) Некоторые данные о распределении церквей по епархиям у нас все же имеются и они-то и позволяют проверить цифру 22.000 церквей.

В 1946 г. в Московской епархии было 250 церквей, в Петербурге 300, в Херсонской области, составляющей пол Одесско-Херсонской епархии, 97 приходов; Украина с 17 епархиями имеет до 8.000 церквей (в одной Винницкой епархии около 700 приходов). Эти данные позволяют нам предположить, что в каждой епархии в среднем 250/300 церквей. Помножив это число на число существующих епархий, мы приходим к цифре 18.000/22.000 церкв. Следует уточнить:

1) В Петербурге открыто не 9, а 15 церквей, в Москве не 35, а 50. Сравнить число приходов в Москве с числом русских приходов в Париже нельзя. Правильнее было бы сравнивать с количеством католических церквей в Париже, которых, если не ошибаюсь, не больше 100.

2) Неправильно исключать из общего числа церквей до революции часовни и молитвенные дома: ведь в последних, во всяком случае, были престолы для служения литургии и свои прихожане.

а) в это число естественно входят области, присоединенные к СССР после второй Мировой Войны;

б) число это не статично. Даже в самую жестокую пору сталинского зажима церкви продолжали открываться. Ритм открытия церквей, сильно замедлившийся после 1948 г., снова ускорился за последние годы; отметим, в апреле 1957 г., освящение в «Ленинграде» огромного Троицкого собора.

В заключение, благодарю А. Бормана за его замечание. Только критический подход к имеющимся скудным данным позволит уточнить состояние Русской Церкви в Советской России. Покорно прошу всех, располагающих сведениями о церкви в Сов. России, не отказать в любезности присылать их на мое имя в Редакцию «Вестника». Н. Струве

БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. Архимандрит КИПРИАН — Православное пастырское служение.

Париж, 1957, стр. 253. Издание журнала «Вечное»

Адрес: «L'Éternel», 7 bis, rue du Bois, Asnières (Seine), France.

Книга о. Киприана будет с пользой прочтена не только священнослужителями, но и всеми, кого интересует тема о «душепопечении», т. е. о вопросах религиозного воспитания. Уже в первой части книги, касающейся священства, как такового, есть много ценных, а иногда и очень важных мыслей о. Киприана. Для примера (а их можно привести чрезвычайно много) укажем на мысли о. Киприана по поводу «пышности ритуальной эстетики» в богослужении. О. Киприан (и в этом он совершенно прав) не поклонник «торжественности» в богослужении: «ни один святой отец, пишет он, (стр. 45) или аскет Церкви не писал о торжественности молитвы. Самое понятие пышности и торжественности стоит в разрез с духом евхаристического обнищания, с настроением вифлиемского и голгофского кенозиса».

Во второй части книги не все одинаково ценно, например, тема о «типах грешников» (тема, по моему, лишняя и ненужная) разработана бегло и поверхностно. Психология греховных движений души, наоборот, анализирована очень хорошо; о. Киприан очень хорошо пишет (в главе «Пастырская психиатрия») о «трагических искривлениях в душевной жизни». О них хорошо сказано (стр. 233), что это «больше загадка, чем грех, таинственная глубина души, а не нравственная испорченность». Но именно оттого, что автор так хорошо знает психологию «душевных глубин» (Tiefenpsychologie), мы хотели бы от него большего в главах о грехах. Автор сам присоединяется к мысли, что душа человеческая не построена гармонически: «человек, пишет о. Киприан, представляется нам, как некий запутанный узел, как сложная ткань, сотканная из многих и часто противоречивых данных... человек — это загадка, иероглиф». Эту идею надо было положить в основу всего «душепопечения», и нельзя не поблагодарить автора за то, что он стал на этот путь. Если многое у него лишь в начальной стадии анализа «греховности», то все же многое раскрыто очень глубоко. Кстати сказать, при указанном отношении к «душепопечению», по новому осветились бы для нас все мудрые указания отцов-аскетов, вся правда и значительность которых требует нового истолкования.

Усиленно рекомендуем нашим читателям книгу о. Киприана.

Прот. В. Зеньковский

J. GLAZIK, M.S.C. — Die Russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen. Aschendorffscher Verlag, Münster, 1954, 270 S. und 3 Karten.

Докторская диссертация о. Иосифа Глазика является первым научным трудом о русских православных миссиях.

Автор ограничил свою обширную тему как во времени — исследование начинается с Петра Великого — так и в пространстве — речь идет о миссиях среди язычников, за исключением не только христианских сект, но и мусульман. Последнее ограничение мне кажется методологически спорным. Само понятие «язычник» очень неопределенное, трудно четко разграничить миссию среди буддистов, которая входит в категорию «язычник», и миссию среди мусульман. Многие народности в пределах Российской Империи исповедывали частично язычество, частично мусульманство. И миссия имела не столько «конфессиональное», сколько географическое единство. Поэтому, нам кажется, было бы правильнее различать **внутреннюю** миссию (среди сектантов и раскольников) и **внешнюю** миссию (среди не-христиан).

Однако, несмотря на это ограничение, труд д-ра Глазика чрезвычайно ценен: один библиографический список в начале книги да и само изложение отдельных глав показывает, как тщательно автор изучил и использовал все источники, вплоть до самых незначительных. В книге собрано потрясающее количество фактических данных и в этом отношении труд д-ра Глазика незаменим.

Менее удовлетворительно передан дух православного миссионерства. Автор — католик и он видно не всегда хорошо ознакомлен с внутренней жизнью православной церкви. Один из тезисов книги, навеянный католическими источниками, сводится к тому, что не было и не может быть православной «бескорыстной» миссии, что всякая русская миссия, в конечной идее, преследовала не христианские, а государственные задачи*). Но тезис этот разлетается в щепки от прикосновения к фактам: именно русские миссии, за редкими исключениями, последовательно проводили политику, одобренную Святейшим Синодом, немедленного создания «местных» национальных церквей. Ярким примером этой политики является всем известная Японская миссия архиеп. Николая, который сам в войну 1905 г., как глава Японской церкви, стал на сторону японцев и благословил в православных приходах чтение молитв о победе японского воинства над врагом.

Вот несколько примеров неверных утверждений автора по адресу православной церкви. Автор приводит, не опровергая их, слова одного католического историка, согласно которому «рубль является лучшим миссионером для православной церкви», (стр. 242). Это неверно: самое беглое ознакомление с русскими миссиями показывает, что главной их трудностью было как раз **недостаток средств**. На это горько жаловался тот же архиеп. Николай, когда видел, какую материальную поддержку получают католические и протестантские миссии... В другом месте др. Глазик пишет: в православных приходах «белое духовенство» ограничи-

*) На стр. 184 мы читаем: «Le schisme russe (sic!) apparaît de plus en plus aux hommes intelligents (sic!) ce qu'il est en effet: la religion nationale d'un empire redoutable, religion inséparable de la politique des Tsars et leur principal moyen de gouvernement» (p. 184). И это в главе о Японской миссии!

вается служением литургии и отправлением треб; духовное попечение о мирянах поручено «черному духовенству». Такие голословные утверждения показывают, что автор не «чувствует» православной церкви изнутри, и судит о ней поверхностно и не всегда дружелюбно. Тем не менее то, что католик мог написать такую книгу, уже факт очень положительный. Книга д-ра Глазика раз и навсегда опровергает ложное мнение, распространенное на Западе, согласно которому православная церковь не знала миссионерства. В этом ее большая заслуга.

Н. Струве

РОМАН ГУЛЬ — Скиф в Европе. Нью-Йорк, 1958.

Новое произведение Р. Гуля посвящено одной из положительнейших фигур середины XIX в. М. А. Бакунину. Это не биография Бакунина, не проба характеристики его, а лишь описание его жизни в Европе в период революционных движений 1848 г. Ярко и сильно, но порой жестко и резко, рисует Р. Гуль суетливую и нервную деятельность Бакунина, — и в этом смысле заглавие книги («Скиф в Европе») вполне соответствует ее содержанию. Однако надо иметь в виду, что «скифская стихия» в Бакуanine не определяет до конца его личность. В Бакуanine сидел настоящий романтик, — и его революционность своими корнями уходит как раз в его романтизм. В этом смысле книга Р. Гуля дает все же одностороннее освещение личности Бакунина.

В книге Р. Гуля очень досталось Николаю I, которому вообще не повезло в русской исторической литературе. Правда, Р. Гуль собственно не занят в своей книге Николаем I, поэтому можно пройти мимо страниц, посвященных Николаю I. Но зато вся тревожная и мутная психология революционизма (каким он был в то время) схвачена у Гуля очень удачно. Самая манера письма Р. Гуля — мы назвали ее жесткой — сначала трудна для читателя, но затем она воспринимается, как вполне соответствующая личности Бакунина.

В литературе о Бакуanine книга Р. Гуля не затеряется. Для тех же, кто хочет понять психологию революционных движений середины XIX века, книга Р. Гуля дает много ценного.

В. З.

НАШИ ИЗДАНИЯ

Перечитывая «Вестник» прошедших годов, вспоминаешь стих Вл. Соловьева:

«Стремится все в божественной отваге себя перерастить».

«Вестник» родился в 1923 г. в качестве студенческого журнала. Самое название его было «Духовный мир студенчества». И большинство статей в нем, не говоря уже о значительной корреспонденции и информации, отвечали на текущие запросы молодежи.

В 1925-26 г.г. «Вестник» выходил в форме гектографированного листка.

С 1927 г. он снова стал печататься типографски; его тоненькие тетрадки стали в 1928 г. более содержательными, в 1931-32 г.г. (редакторство Г. П. Федотова) он превратился в тот религиозно-философский журнал, каковым мы его знаем теперь. По своему характеру и размерам он может быть назван младшим братом «Пути», по своему направлению

и содержанию его можно назвать сыном Московских «Вопросов Жизни» и Киевской «Христианской Жизни». Роль эта — почетная, значение «Вестника» — большое, заслуга его издателей велика. Но журналом молодежи, «студенческим» вестником он вряд ли может считаться: он скорее есть орган церковной интеллигенции, посвященный вопросам православной культуры. Это обстоятельство было учтено Движением, которое с января 1958 г. стало издавать «Журнал православного лицеиста», (три номера в год напечатали на гектографе, в каждом номере по 30 стр. тесного шрифта, подписка — 300 фр. в год). Появление этого издания надо считать в высшей степени нужным, а два вышедшие номера очень удачными. Это — в полном смысле слова — журнал молодежи. В нем есть все: и цитаты из Паскаля, Вл. Соловьева, В. Иванова и краткие статьи на религиозные и философские темы (о В. Зеньковского, Л. А. Зандера, о А. Князева, О. Клеман), дискуссионные статьи, написанные самой молодежью и вопросы редакции, обращенные к ней («согласны ли вы со мной?»), стихи и информация и т. п. И печатается он на двух языках: часть по-русски, часть по-французски. По внешности у журнала нет плана, но по существу он отвечает тому, что интересует молодежь, чем она живет и на что откликается. («Откликается» в буквальном смысле слова — письмами в редакцию и собственными статьями). Поэтому журнал интересен не только молодежи: его с пользой прочтут и родители и педагоги. Ибо будучи близок к молодежи он дает некоторое понятие о том мире, который является столь мало доступным и мало понятным взрослым, особенно в наше взбаламученное переходное время. Необходимо не только ободрить это начинание, необходимо его поддержать путем более широкой подписки и материальной помощи издательству.

Л. Зандер

ХРОНИКА

О СЪЕЗДЕ ЛИЦЕИСТОВ

Многие из читателей «Вестника» не знают может быть, кто это такой, лицеист?.. Это существо от 14-ти до 19-ти лет, страшно неустойчивое, порой очень несчастное, порой дико-веселое, всем интересующееся, до невероятности самоуверенное и имеющее тенденцию все на свете отвергать. Вообще лицеист — это маленький Базаров.

И вот 60 таких «Базаровых» собрались 7 и 8 мая 1958 г. в Бьевре. Общая тема съезда была совсем в духе «шестидесятых годов» — «О жизнь, зачем ты мне дана?»

Первый доклад был прочитан К. А. Ельчаниновым на тему: «Какой смысл находят в жизни люди, неверующие в Бога?» Доклад был очень существенный, т. к. давал много общедоступного материала, особенно о позитивизме и экзистенциализме, но докладчик обращался а priori к христианам, забыв, по моему, что перед ним сидят не просто христиане, а лицеисты.

Второй докладчик, Оливье Клеман, говоря о возможности здорового выбора профессии, сумел вызвать у слушателей вопросы и недоумения. Тут уже проявилась другая черта лицеиста. Базаров был идеалистом, лицеист же оказался материалистом. Он смотрит на жизнь иначе, чем его родители. «Раньше, говорит он, люди бросали семью, детей и шли за каким-то призванием. Как это глупо! В нынешнюю эпоху лучше

бросить призвание, если это идет в ущерб благосостоянию». Так говорит юный лиценст 1958 года, из-за своей любви к конкретному.

Именно эта любовь к конкретному содействовала тому, что лиценсту был чужд доклад отца Василия Зеньковского о смысле жизни, доклад необычайно глубокий, который докладчик старался сделать наиболее понятным: «Ищите смысла жизни в полноте сердца и души, само существование есть радость. Не родители являются главным препятствием к этой радости, а мы сами». А как же это понять лиценсту, который уверен, что родители есть камень преткновения ко всему тому замечательному и неосуществимому (путешествия, забавы, каникулы). «Скажите мне, что смысл моей жизни — это лечить прокаженных в Африке, и я брошусь туда. А тут какая-то полнота сердца. „Сagre diem...”». Лиценст не понимал.

А в самый последний момент, когда уже заговорили о том, кто каким автокаром поедет домой, мы услышали встревоженный голос: «А вообще, где смысл жизни?» Весь наш двухдневный съезд вызвал этот последний, фундаментальный, к сожалению неразрешенный, вопрос. И то хорошо!

Е. К.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ О СЪЕЗДЕ Р.С.Х.Д. (24, 25, 26 мая)

Давно уже слышал я о съездах Р.С.Х.Д. В этом году, случайно, дни съезда оказались у меня свободными: решил воспользоваться и поехать. Сделал я это, должен сказать, без всякой духовной подготовки, но тем не менее вся обстановка съезда меня сразу охватила; этого доказать нельзя, можно только почувствовать, побывав на съезде.

Если на съезд посмотреть со стороны: то видно как ходят люди, гуляют, разговаривают, кто умеет, поет или играет на струнном инструменте... В чем же тогда отличается съезд Р.С.Х.Д. от любого людского сборища, которыми так наслаждается наш век? Внешне — ничем. Нужно каждому искать эту разницу внутри себя.

Судить о лекциях, за отсутствием опыта и знаний, я не могу. Должен только сказать, что я не представлял себе, что за двое суток возможно дать — и получить такую широкую картину духовной и церковной жизни в свете Православной Церкви, быть может даже слишком широкую, и настолько «грандиозную», что, иногда, чувствуешь себя немного потерянным, отброшенным от реальной жизни.

Меня только удивило немного одно явление: место оставленное французскому языку, в особенности когда я заметил, что непонимающих по-русски было, в общем итоге, очень мало. Мне кажется, что эта уступка иностранной стихии, даже в практической плоскости представляет немалую опасность: как можно нам, молодым, углубить знание и понимание Православной Веры, к которым так горячо призывал о. В. Зеньковский, если не приучить себя пользоваться свободно (и охотно...) русским языком. Эти маленькие «технические» замечания, конечно, не умаляют того общего впечатления, которое оставляют прослушанные на съезде доклады.

Если бы съезд заключался только в докладах и их обсуждениях, то это было бы лишь «служение слова», которое по мнению Прот. С. Булгакова, характеризует Протестанство, тогда как «Православие», пишет О. Сергий, «осознает себя прежде всего в богослужении, которое есть некое богочитие; из него излучается и в него изливается и в нем со-

храняется и учение, и власть, и организация»⁽¹⁾. Это поучение не было забыто на съезде Р.С.Х.Д.: богослужению и Таинствам давалось то привилегированное место, которое они должны иметь в Православной Церкви. В этом факте, мне кажется, нужно искать духовную сущность съезда. Эта сущность подготавливается в аудитории, но совершается она лишь в Таинствах и «во псалмах и пениях и песнях духовных». (Колос. III-16).

В. В.

В этом году мне впервые посчастливилось принять участие на съезде Р.С.Х.Д.

Случилось так, что я прибыл одним из первых — в пятницу вечером. Нас оказалось пять человек, первое «ядро», вокруг которого спаялась, за три дня съезда, огромная, веселая и.. шумная семья!

Богослужения, много причастников, большой и хороший хор, почти исключительно из молодых сил.

Не стану перечислять докладчиков ни тем их, но мне хочется остановиться на том «духе», в котором проводились беседы и обсуждения отдельными группами после докладов. Тут все делились своим мнением, даже самые юные не хотели уступать «большим» и вкладывали свою крупицу в общий разговор, иногда горячо отстаивая свою точку зрения, и доказывая сколь серьезно они интересуются христианскими вопросами. То же серьезное выражение лиц замечал я у молящихся, на вечерни или во время ранних часов и Литургии.

Незабываемые часы проводили мы и по вечерам, когда закончив все занятия, вся молодежь собиралась вокруг «костра» (в данном случае стоячая лампа) с гитарой и мандолиной.

В заключение, хочется поблагодарить организаторов таких встреч и поздравить их с полезным, нужным делом. Пожелаем Движению дальнейших успехов, в частности, по устройству подобных съездов.

Шура Худокормов

ОТЪЕЗД А. С. ЧЕТВЕРИКОВОЙ В АМЕРИКУ

4-го июня Движение в Париже провожало уезжавшую к своим родным в Нью-Йорк, Александру Сергеевну Четверикову.

Александра Сергеевна более двадцати лет была активным членом Движения: вела в Девичьей Дружине в течение многих лет кружок девочек, была начальницей первого лагеря в St. Theoffrey и директрисой детского общежития в Claracq и Pau в трудное время последней мировой войны. Последние годы А. С. была ближайшей помощницей о. Василия Зеньковского в редактировании и издании Религиозно-Педагогического бюллетеня. Во время пребывания храма на bd. Montparnasse А. С. неутомимо исполняла обязанности по украшению и уборке храма.

Движение благословило Александру Сергеевну иконой Введения во храм Пресвятой Богородицы с пожеланиями, чтобы Господь открыл бы для нее возможности и там в Америке послужить Движению с прежним вдохновением и жертвенностью.

о. В. Ю.

¹⁾ См. «Вестник» Р.С.Х.Д. № 48, 1958(1), стр. 5.

ФОНД ПОМОЩИ УГАНДСКОЙ ЦЕРКВИ

Самозарождение в экваториальной Африке Православной Церкви — факт в высшей степени замечательный и знаменательный. То, что местные жители, встретившиеся с христианством всего сто лет тому назад, своим умом, без всякой помощи извне, пришли к заключению, что только Православная Церковь обладает полнотой Истины, не может нас оставить безразличными. Долг каждого из нас — притти на помощь молодой африканской церкви, находящейся в тяжелых матерьяльных условиях. Нам возразят, что наши общины в Западной Европе тоже не богаты, у нас есть свои неотложные нужды. Это верно, но есть такие положения, когда надо забывать о своих нуждах и делиться с более обездоленными необходимым. Мудро поступил владыка митрополит Владимир, когда, несмотря на бедственное положение многих приходов нашей епархии, распорядился произвести во всех церквях сборы в помощь грекам, пострадавшим от землетрясения и, совсем недавно, в помощь венгерским беженцам.

Угандская Церковь, совершившая подвиг познания Истины, вызывает о помощи. Нам ли, старшим братьям, не отозваться на этот призыв? Пусть наша помощь будет скромна: она тем более укрепит православных угандцев в их стоянии за Истину, что она будет дана не от избытка, а от скудости.

Угандская Церковь нуждается буквально во всем: в первую очередь в деньгах, а также и в богослужебных украшениях, в частности, в иконах, которых в угандских храмах нет, и в православной литературе на английском и греческом языках.

Пожертвования всякого рода просим направлять 1°) во Франции: на текущий почтовый счет 2441-04 Paris. Action Chrétienne des Etudiants Russes. Paris 15 с указанием в «Фонд помощи Угандской Церкви».

2°) Из-за границы: по указанному адресу и на имя Action Chrétienne des Etudiants Russes.

Одна читательница, прочитав статью об Угандской Церкви, прислала нам свои пожертвования, еще до создания Фонда. Причем, чтобы послать как можно большую сумму, она попросила своих знакомых на день рождения не дарить ей подарков, а отложить деньги для помощи Угандской Церкви.

Приводим ниже первый список жертвователей: 1) Г-жа В. Тидерманн, Берлин-Шонберг — 9.940 фр., 2) Центр Р.С.Х. Движения — 5.000 фр., 3) Р.С.Х.Д. во Франции — 5.000 фр.